

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ: 19.11.2013.

Никулинский суд г. Москвы, зал 303

Расшифровка аудиозаписи.

[0:00:30]

Начало заседания: 13:16:04.

Впускают защиту, родственников, публику. Секретарь объявляет о явлении судьи.

[0:16:19]

Судья: Подсудимые все с защитниками?

Адвокат: Нет. Макарова нет.

Судья: Куда же вы дели Макарова? Он с утра здесь стоял.

Адвокат2: От там что-то со Скорой помощью выясняет. Я его видел.

Судья: Кроме Макарова, остальные все с защитниками? (Голос в зале: «Нет».) Кого ещё не хватает?

Говорят, что нет Дубровина, но выясняется, что есть ордер. Судья информирует о замене секретаря судебного заседания на Волкова [?], запрашивает отводы секретарю. Отводов нет. Судья проверяет явку участников процесса. Судья представляет представителю потерпевшего участников процесса, разъясняет его права, запрашивает отводы. Отводов у представителя потерпевшего нет.

[0:21:17]

Судья: Обсуждается вопрос о продолжении судебного разбирательства при данной явке. Возражения есть?

Адвокат: Ваша честь, а можно [НРЗБ 0:21:25] Макарова.

Судья: [НРЗБ] хоть кто-нибудь! Сколько он будет там за дверьми? У кого есть связь с адвокатом Макаровым?

Пауза.

[0:23:00]

Судья: Итак, мнение участников процесса?

Бадамшин[?]: Считаю невозможным, потому что Кривов не может осуществлять свою защиту без профессионального защитника, и я думаю, нужно дождаться [НРЗБ 0:23:14] адвоката с тем, чтобы продолжать судебное заседание.

Судья объявляет перерыв на 10 минут.

[0:51:20]

Судья очень тихо спрашивает, есть ли возражения на продолжение заседания при данной явке. В зале стоит шум.

Судья: Возражений нет. Суд постановил продолжить судебное разбирательство при данной явке. Слушаем мнение ...

Судья приглашает на трибуну представителя потерпевшего.

Судья: Назовитесь полностью: Ваши фамилия, имя, отчество.

Ищенко: Андрей Александрович Ищенко.

Судья просит говорить громко, отчётливо. Просит назвать дату рождения (21 марта 1991 года), где и кем работает (юрисконсульт Государственного казенного учреждения Дирекции единого заказчика ЖКХ и благоустройства ЦАО города Москвы).

Судья даёт разъяснения представителю потерпевшего об обязанности давать показания и об ответственности за дачу ложных показаний; берёт соответствующую подпись, спрашивает, о знакомстве с кем-нибудь из подсудимых и о родственных отношениях с ними. Знакомых нет, родственных отношений нет. Судья предоставляет слово обвинению.

Прокурор: Андрей Александрович, скажите, пожалуйста, в результате событий 6 мая 2012 года Дирекции заказчика жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства Центрального административного округа причинён какой-либо ущерб?

Ищенко: Да, был причинён ущерб.

Прокурор: На какую сумму? Поясните, пожалуйста. И в чём он заключается?

Ищенко: Около 28 миллионов [НРЗ 0:53:58]

Смех в зале.

Судья: Тишина в зале!

Шаров: Ещё раз, можно? Повторите, пожалуйста! Не слышно было, извините.

Громкий шёпот: «двадцать восемь миллионов!»

Ищенко: Двадцать восемь миллионов. Приблизительно 28 миллионов. Были повреждены асфальто-бетонных покрытия и бордюры.

Прокурор: Вы можете пояснить: из чего складывается данная сумма?

Ищенко: Для данных объектов был составлен дефектный акт, в котором указан объём повреждений объём имущества. После этого была составлена смета по ТСН-2001. Данная смета применяется на территории города Москвы.

Прокурор: Скажите, пожалуйста, собираетесь ли Вы подавать исковое заявление в данном судебном заседании?

Ищенко: Нет.

Судья передаёт слово защите.

Панченко: Адвокат Панченко. Скажите, пожалуйста, Вы указали, что в результате событий были причинены повреждения. Опишите, пожалуйста: каких событий?

Ищенко: Все показания были даны на предварительном следствии.

Панченко: Я у Вас спрашиваю. Известно ли Вам, в результате каких событий? Лично Вам.

Ищенко: Лично мне — нет.

Панченко: Вам — неизвестно. Скажите, пожалуйста, а какие конкретно повреждения причинены?

Ищенко: Асфальто-бетонному покрытию [НРЗ 0:55:25]

Панченко: Чему — Вы скажите. Какие повреждения причинены, к примеру, асфальто-бетонному покрытию и бордюру?

Ищенко: Не могу Вам пояснить.

Панченко: Скажите, пожалуйста, а какова общая площадь [повреждённого покрытия]?

Ищенко: Общая площадь составлена [НРЗБ 0:55:49]

Панченко: Вам известно?

Ищенко: Нет.

Панченко: Скажите, пожалуйста, Дефектный акт кем составлен? Когда и кем был составлен?

Ищенко: Дефектный акт составляется ЗАО «Компаньон»: той подрядной организацией, которая эксплуатирует данный объект вместе с нами с представителем [НРЗБ 0:56:08] «Капитал» И обычно сверяется с представителем [НРЗБ] от ЦАО

Панченко: Прошу прощения. Меня интересует не «обычно», а конкретно: в отношении тех повреждений, по поводу которых Вы сейчас даёте показания. Известно ли Вам, когда и кем составлен акт?

Ищенко: Нет.

Панченко: Неизвестно. Скажите, пожалуйста, а [НРЗБ 0:56:32 должен быть какой-нибудь] перечень объектов, в отношении которых [НРЗБ]

Ищенко: Проезжая часть, тротуары.

Панченко: Перечень объектов — имеется в виду ...

Ищенко: Объектов дорожных.

Панченко: А расположение данных объектов?

Ищенко: Болотная улица, Болотная площадь. (Панченко повторяет названия.) Нет, ещё один объект: Фалеевский переулок.

Судья передаёт слово.

Бадамшин: Ваша честь, адвокат Бадамшин. Ваша честь, я бы попросил перед началом допроса с моей стороны (у меня вопросы, конечно же, есть) дать возможность потерпевшему, так как другой человек стороны, так сказать, потерпевшего ознакомливаться с материалами уголовного дела... Я хотел бы дать возможность данному потерпевшему осмотреть протоколы осмотра фото-таблицы осмотра места происшествия. Это том 4, начиная с 72 страницы: 72, 73, дальше по нумерации все протоколы, которые там есть. Для того, чтобы человеку дать возможность показать, осмыслить, может быть вспомнить: что было повреждено, что не было повреждено, на какой площади. Чтобы он мог действительно сказать: что было на самом деле повреждено, и каким образом. Можно этим воспользоваться?

Судья: Скажите, пожалуйста, представитель потерпевшего, будучи уполномоченном Вашим государственным казённым учреждением, Вы знакомились с какими-либо документами, чтобы представлять интересы Вашей организации в настоящем судебном процессе?

Ищенко: В полном объёме документами — нет, не знакомился.

Судья: А что значит «в полном объёме»?

Ищенко: [НРЗБ 0:58:21]

Судья: То есть с документами, которые находятся в Вашей Дирекции.

Ищенко: Да, которые имеются в [НРЗБ].

Судья: Понятно.

Судья выносит ходатайство адвоката Бадамшина на обсуждение.

Панченко[?]: На усмотрение суда.

Адвокаты Ключевант, Дубровин, Горяинова, Григоренко, Макаров, Динзе, Самохин, Айвазян, Ветринцев, защитники Борко, Шаров, Сумин, Тарасова, подсудимые Кавказский, Духанина, Баронова, Полихович, Луцкевич, Барабанов, Белоусов, Акименков, Ковязин, Зимин, поддерживают ходатайство.

Аграновский: Поддерживаю. Конечно, хотелось бы, чтобы потерпевший по возможности конкретно указал, и не только на фото-таблице, но и на видео, какие объекты по его мнению были повреждены. Мы, вот, таких не видели.

Ищенко: На усмотрение суда.

Прокурор: Представитель не был очевидцем событий, и он опирается на ту смету, которая была составлена специалистами, поэтому оснований [НРЗБ 1:00:25 ПРИБЕГАТЬ] нет. Нецелесообразно.

Судья: Выслушав мнения сторон, суд постановил: ходатайство адвоката Бадамшина о предоставлении для ознакомления представителю потерпевшего фото-таблиц, находящихся в томе 4 на листах дела 72, и последующие материалы оставить без удовлетворения, поскольку представитель потерпевшего как полноценный участник процесса вправе при желании ознакомиться с любыми материалами дела, а ранее исследованные в судебном разбирательстве документы могут быть использованы защитой в любом объёме для постановки вопросов допрашиваемому лицу.

Бадамшин: Тогда у меня один-единственный вопрос. Скажите, пожалуйста, чем Вы можете обосновать противоречия между тем, что Вы сейчас говорите о том, что был причинён ущерб, было уничтожено, повреждено имущество, с фото-фиксацией протоколов осмотра места происшествия, которые проводились сразу же непосредственно после проведения митинга, шествия и тех событий, которые произошли на Болотной площади, включая Болотную площадь и Фалеевский переулок. Уточню, что фото-таблица и протокол осмотра места происшествия составлялись сразу же: 6 мая 2012 года. Чем Вы можете обосновать противоречие между фото-таблицей, протоколом осмотра места происшествия, где видно, что повреждений асфальто-бетонного покрытия нету — и теми словами, на которые Вы ссылаетесь?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке, поскольку о каких-либо противоречиях речь пока не идёт. Бадамшин: «Я ссылаюсь на документ». Судья снимает вопрос «на данный момент» и предлагает его скорректировать.

Бадамшин: Изучив документ, оглашённый в ходе судебного заседания, который предоставляла сторона государственного обвинения, мы обнаруживаем, что в 4 томе находится фото-таблица, которая является приложением к протоколу осмотра места происшествия от 6 мая 2012 года, на которых указана Болотная набережная, непосредственно асфальто-бетонное покрытие, которое не пострадало в ходе событий, которые там

произошли. Внимание, вопрос: как Вы можете устранить данное противоречие между тем, что мы видим своими глазами — и теми словами, которые Вы здесь произнесли?

Прокурор просит снять вопрос. Судья не снимает вопрос.

Ищенко: Можно поподробнее: что Вы хотите узнать конкретно?

Бадамшин: Я хочу узнать вот ровно то, что я задал Вам вопрос: что мы видим... Если Вы хотите, Вы можете осмотреть данный документ. Вы можете попросить суд осмотреть. Эти фотографии — в наличии. Если суд разрешит. Я могу Вам подсказать, что Вы можете попросить суд: попросить посмотреть эти фотографии. И найти там хоть одно разрушение асфальто-бетонного покрытия.

Ищенко: Этот анализ проведён специалистами.

Бадамшин: Хорошо. Я не спрашиваю, кем составлялся акт. Мы не спорим, что он составлялся специалистами.

Судья: Защита, Вы рассуждения опустите и задайте вопрос, пожалуйста, конкретно: чтобы понял Вас представитель Дирекции.

Бадамшин: Ещё раз: (*почти хором с судьёй*) в деле есть документы, на которых (Ваша честь, спасибо большое!) мы своими глазами видим, что разрушений асфальто-бетонного покрытия, о котором Вы сейчас говорите, — нет. И эти документы составлялись сразу же после событий, то есть 6 мая вечером: с понятыми, Следственный комитет на машине приезжал. (*Судье: «Да, я извиняюсь...»*)

Судья: «А Вы сообщаете»...

Бадамшин: А Вы, в свою очередь, сообщаете, что асфальто-бетонное покрытие было разрушено на 28 миллионов рублей. Это достаточно объёмная работа, исходя из документов.

Судья: Это можно опустить.

Бадамшин: Вы не могли бы...

Судья: ... объяснить.

Бадамшин: Ваша честь, я ему — объяснить?

Смех в зале.

Судья: Вопрос понятен?

Ищенко: Вопрос понятен.

Судья: Попытайтесь объяснить.

Ищенко: Сам лично не присутствовал на осмотре. (*Бадамшин: «громче»*) Осмотр осуществляли специальные лица и они выявили, что было повреждено асфальтовое покрытие. Был составлен акт.

Бадамшин: Хорошо. То есть Вы объяснить противоречие не можете. То есть есть противоречие, Вы его видите, но объяснить — можете или нет?

Прокурор просит снять вопрос (если это вопрос).

Бадамшин: Ответ-то дайте. Пусть прозвучит. Противоречие Вы видите?

Судья: Видите или не видите? Вопрос.

Ищенко: Нет, не вижу.

Бадамшин: Только что Вы говорили! Вы находитесь непосредственно в суде и обязаны говорить правду. Вы видите сейчас противоречие? Вы только что, сейчас сказали!

Прокурор: Ваша честь, если это вопрос — в такой формулировке прошу его снять. Что значит «видите или не видите»? Здесь где-то?

Бадамшин: *(прокурору)* Вы не видите противоречия?

Прокурор: Я? Противоречия? Я вообще не вижу.

Смех в зале.

Судья снимает вопрос в указанной формулировке.

Бадамшин: Ну это вопрос был не прокурору. Ещё раз возвращаюсь! *(Судья: «Пожалуйста, вопрос!»)* А вот, Вы ссылаетесь на мнение специалистов, но я хочу у Вас... Вы, как человек с доверенностью, представитель потерпевшего! Вы сейчас представляете свою организацию. Вы — то единственное лицо, которое может нам и суду объяснить что-либо, вообще, по этой ситуации, понимаете? Если Вы не готовы — то скажите, что не готовы. А вот теперь — внимание, вопрос! Между документами, которые имеются в деле, которые составляли величайшие специалисты в области современной криминалистики (это следователи Следственного комитета и криминалисты Следственного комитета, в том числе Главного следственного управления России в Техническом переулке, дом 2) и теми словами, теми формулировками, которые звучат от Вас о якобы имеющемся ущербе, имеются существенные противоречия. Вы можете объяснить как-либо наличие этих противоречий? Обосновать это.

Ищенко: Я лично не видел ...

Прокурор: Я прошу снять вопрос о «противоречиях каких-либо» в такой формулировке.

Судья: Вопрос не снимается, ответ уже прозвучал. Если Вы готовы продолжить...

Бадамшин: Хорошо. Вопрос такой (чисто технический): Вам, может быть, нужно посмотреть эти фотографии?

Судья: Защита! Вопрос по существу, пожалуйста.

Бадамшин: Ваша честь, знаете, при таких существенных разночтениях... Один единственный вопрос. Скажите, пожалуйста, а кому следует больше доверять, каким документам: документам, составленным Главным следственным управлением Следственного комитета России либо Вашей Дирекции? Чем руководствоваться?

Прокурор: Ваша честь, я прошу снять вопрос в указанной формулировке. Как следует из показаний данного потерпевшего, он не знакомился с документами, составленными Главным следственным управлением, поэтому не может дать какую-либо оценку. Поэтому, Ваша честь, я прошу снять вопрос.

Бадамшин: Ваша честь, разрешите возразить на это возражение, потому что у нас есть в деле документ, свидетельствующий о том, что Дирекция знакомилась с этими материалами. В принципе, они знакомились, по-моему, за два дня со всеми 60-ю томами. Вот. И это проблема Дирекции — что они смотрели. Я считаю, что если сейчас есть просьба объявить перерыв у представителя потерпевшего и осмотреть внимательно эти фотографии, я думаю, следует объявить перерыв и дать возможность человеку ознакомиться. Потому что неустранимые сомнения, которые есть в правильности, в этих словах — возможно, сейчас всё растворится.

Судья: Вопрос не снимается. Если он Вам понятен, — Вы можете ответить по существу, о чём идёт речь (если Вы понимаете)?

Ищенко: Чётко сформулировать вопрос можно?

Бадамшин: Ваша честь, только с Вашей помощью, наверно, у нас получится задать вопросы этому потерпевшему. Наверно.

Судья: Какие документы Вам больше нравятся: которые у Вас в Дирекции, или которые есть в деле, составленные сотрудниками следственных органов? Можете пояснить?

Ищенко: Лично я видел только те документы, которые были составлены Дирекцией.

Судья: Дирекцией.

Ищенко: Документы, которые составлены Следственным комитетом, я не видел. Я не могу по ним пояснить.

Бадамшин: Вы мне объясните: чем Вы руководствовались, а не какие Вы видели или не видели. Кому Вы доверяете больше: следователю или своим сотрудникам?

Прокурор просит снять вопрос (если это вопрос). Судья предлагает продолжить ответ.

Ищенко: Я доверяю документам, составленным Дирекцией, но я не видел документов, которые составлены Следственным комитетом, поэтому (Судья: «оценить их не можете») оценить их не могу.

Бадамшин: А Вы хотели бы их оценить?

Ищенко: Если надо... требуется...

Бадамшин: Вы хотели бы их оценить? Не «требуется» от Вас сейчас, только законом установленные требования есть. Вы хотите их увидеть?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке: «хочет или не хочет потерпевший что-то увидеть». Судья снимает вопрос.

Бадамшин: Хорошо. Вопрос следующий: хотели бы Вы увидеть фото-таблицу к протоколу осмотра места происшествия от 6 мая 12 года, ... в связи с событиями, которые происходили на Болотной площади 6 мая? Хотите Вы увидеть: сейчас, в данный момент ознакомиться? Желаете или не желаете?

Судья снимает вопрос в указанной формулировке как не относящийся к предмету судебного разбирательства.

Бадамшин: Ваша честь!

Судья: Вернитесь к существу. Если у Вас есть вопросы по существу — пожалуйста.

Бадамшин: Хорошо. Скажите, пожалуйста, а Вам сейчас можно задавать какие-то конкретные вопросы или Вы сейчас будете ссылаться только на тот документ, который Вы на память не помните и не сможете воспроизвести?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке как некорректный.

Бадамшин: Хорошо. Корректный вопрос. Какая площадь асфальтового покрытия пострадала?

Ищенко: Дана площадь в дефектном акте.

Бадамшин: Вот именно ответ на тот вопрос ... Вы можете сказать сами, своими словами без дефектного акта? Вы готовились к суду?

Прокурор просит снять вопрос. Судья снимает вопрос. Бадамшин приносит извинение.

Бадамшин: Вы площадь знаете?

Прокурор просит снять вопрос (о какой площади речь идёт?)

Бадамшин: Хорошо. Я прошу прощения. Территориальные границы Болотной площади Вы знаете?

Ищенко: Я лично — нет.

Бадамшин: А Дирекция единого заказчика? Та Дирекция, которую Вы представляете как представитель потерпевшего — знает границы территориальные Болотной площади?

Ищенко: Да, конечно.

Бадамшин: Чем Вы это подтверждаете?

Ищенко: Так как мы являемся держателями данной территории.

Бадамшин: «Чем это подтверждается» — это не «так как», а чем, каким документом подтверждается?

Ищенко: [НРЗБ]

Бадамшин: Титульным списком. Хорошо. А в Болотную площадь что входит: какие улицы, какие набережные, какие скверы?

Ищенко: Не могу Вам сейчас сказать.

Бадамшин: Не можете. А кто может ответить на этот вопрос, если Вы являетесь потерпевшим или представителем потерпевшего и выдвигаете определённые материальные требования? Вы же пришли с требованиями?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке. Судья не снимает вопрос.

Ищенко: Я лично не могу. А кто именно может, то только тот...

Бадамшин: Хорошо, следующий вопрос. Скажите, пожалуйста, а когда в какой день был причинён якобы тот ущерб, на который Вы ссылаетесь? Какого числа?

Прокурор просит снять вопрос как повторный. Судья снимает вопрос.

Бадамшин: А могли ли те колоссальные разрушения, о которых Вы говорите, произойти ранее или позднее тех событий, по поводу которых мы сейчас рассматриваем уголовное дело? Могли ли до 6 мая, после 6 мая произойти?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке, поскольку ни о каких колоссальных разрушениях представитель потерпевшего не говорил. Судья снимает вопрос.

Бадамшин: Скорректировал. Убираем формулировку «колоссальные». Скажите, пожалуйста, те повреждения, уничтожение имущества, о которых Вы сейчас говорите, могли ли они произойти до 6 мая 2012 года?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке как основанный на предположении, поскольку представителем потерпевшего указана дата. Судья не снимает вопрос.

Ищенко: Чисто теоретически — могли.

Бадамшин: Отлично. Скажите, пожалуйста, а какого числа дефектная ведомость составлялась? (Пауза) Вспомните, пожалуйста.

Ищенко: Не могу вспомнить.

Бадамшин: А когда обычно она составляется? Когда она по правилам должна составляться?

Ищенко: Нормативной базы по этому поводу нет.

Бадамшин: Хорошо. Скажите, пожалуйста, возвращаясь к смете: не могли бы Вы пояснить суду, как возможно уничтожить или повредить колодезный люк? Расскажите мне, пожалуйста.

Ищенко: Нанести ему повреждения какие-то.

Бадамшин: Как их можно нанести, с помощью чего? Можете рассказать?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке, так как потерпевший не был очевидцем событий.

[1:15:17]

Ищенко: Не присутствовал на...

Бадамшин: Вы не специалист в этой области. Вы видели хоть один повреждённый колодезный люк с Болотной площади?

Судья снимает вопрос в указанной формулировке, так как Ищенко не являлся очевидцем.

Бадамшин: Не являлся очевидцем, но может быть их [люки] подвозили на починку, на покраску? Вам привозили колодезный люк на починку, на покраску?

Ищенко: Нет.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, не могли бы Вы объяснить порядок составления сметы: кто и на основании чего составляет смету?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке как неконкретный: непонятно, о какой конкретно смете идёт речь. Судья не снимает вопрос.

Ищенко: Сначала выявляется объём требуемого ремонта, потом составляется смета вместе со сметным отделом Дирекции. Также, принимает участие подрядная организация, которая занимается ремонтом.

Бадамшин: Понятно. Скажите, а вы при составлении этой сметы Главное следственное управление Следственного комитета России уведомляли?

Ищенко: Не знаю.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, а какое-либо повреждение посадочному кольцу бетонного люка наносилось на Болотной площади или нет? (Ищенко: «Основание?») Да, основание.

Ищенко: Если в смете указано, значит наносилось.

Бадамшин: Нет, Вы не можете сказать, что указано – не указано. Вы знаете или нет?

Ищенко: Не знаю.

Бадамшин: Вы сейчас по смете тоже не владеете, бесполезно задавать вопрос?

Ищенко: Да, в принципе, только в общем информацией владею.

Бадамшин: А Вы не могли бы описать суду: что такое «плиты малые колодезные для смотровых колодцев»? Как они выглядят и из чего состоят?

Ищенко: Ну, это люки колодцев, насколько я понимаю.

Бадамшин: «Плиты малые колодезные». Это не люк. Про люк было бы написано, наверно, «люк».

Ищенко: Ну, там разные формулировки встречаются.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, бордюрный камень был повреждён на Болотной площади, как Вы предполагаете, 6 мая? Вообще был повреждён или не повреждён?

Прокурор просит снять вопрос как повторный.

Бадамшин: А в каком объёме, какое количество погонных метров либо объём?

Ищенко: Объём не могу Вам сказать.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, а из какого материала сделан бордюрный камень, который находится на Болотной площади?

Ищенко: По всем видимости, бетонные.

Бадамшин: Бетонные? (Ищенко: «Да».) Скажите, пожалуйста, а как можно повредить вот эти бордюрные камни, если они находятся в том виде уложенном, как положены согласно снимкам?

Ищенко: Не знаю.

Бадамшин: А как вообще происходит демонтаж этого бордюрного камня? Как их можно вытащить, повредить?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке. Судья не снимает вопрос.

Ищенко: При чём здесь демонтаж и повреждения?

Бадамшин: Вы не мне вопрос задавайте. Вы, отвечайте, как понимаете — отвечайте суду.

Ищенко: Уважаемый суд, по поводу демонтажа и повреждения, которые нанесли бордюру... Несоответствие! Демонтаж — это выемка данного бордюра и замена его новым. Насколько я понимаю, на Болотной площади такого не происходило. Думаю, был нанесён ущерб, повреждения.

Бадамшин: Не происходило.

Ищенко: Да.

Судья передаёт слово.

[1:20:18]

Клювгант: Адвокат Клювгант. Андрей Александрович, скажите, пожалуйста, вот уточните: каких специальных знаний Вам не хватает, чтобы посмотреть на фотографии и сказать: видите Вы там повреждения или не видите?

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Клювгант: Я возражаю! Это всего лишь уточнение к предыдущим показаниям человека, который стоит на трибуне. Он сказал: «Смотреть не буду, потому что не специалист». Прошу занести возражение. Ещё вопрос. На основании каких (известных Вам) фактов Вы можете утверждать, что эти повреждения на Болотной площади, о которых Вы говорите, были причинены именно 6 мая 2012 года? Дату Вы назвали, а не обосновали.

Ищенко: Я не был очевидцем.

Клювгант: Я не спрашиваю, были ли Вы очевидцем. Я спрашиваю: что даёт Вам основание утверждать, что именно 6 мая 2012 года были причинены эти повреждения?

Прокурор просит снять вопрос как повторный («только что даны пояснения потерпевшим»). Судья не снимает вопрос.

Ищенко: По поводу этого я уже пояснял, что возможно, могли нанести до 6 мая.

Клювгант: То есть Вы не утверждаете, что 6 мая это произошло.

Ищенко: По всей видимости — 6 мая. Но я не могу точно ответить.

Клювгант: Не можете точно ответить. (Ищенко: «Да».) Понятно, ответ понятен Ваш. А можете перечислить работы, которые выполнялись по устранению этих повреждений.

Ищенко: Насколько я знаю, была замена асфальто-бетонного покрытия, то есть снимался асфальт и клался новый. Замена, также, бордюров. Так как там были сколы, трещины, различные иные повреждения. Вроде всё. (Клювгант: «Вроде или всё?») Всё.

Клювгант: На какой территории весь этот объём работ выполнялся: одинаковый на всей территории Болотной площади — или на каких-то её частях одни работы, на каких-то другие?

Ищенко: Не на всех частях одни работы.

Клювгант: На каких частях какие работы выполнялись?

Ищенко: Объём указан в в дефектном акте.

Клювгант: Я спрашиваю не дефектный акт, а Вас. Вы стоите на трибуне, Вы представляете свою организацию. Поэтому вопросы лично к Вам.

Ищенко: Я уже всё по этому вопросу [сказал].

Клювгант: Если Вы не можете ответить — Вы так и скажите. Если можете — отвечайте, пожалуйста.

Прокурор: Ваша честь, если в такой форме вопрос задан, то прошу его снять.

Клювгант: Да — именно в такой, именно вопрос!

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Клювгант: Поясните, пожалуйста, в каких частях Болотной площади, какие работы проводились из числа Вами перечисленных?

Ищенко: На повреждённых.

Прокурор просит снять вопрос как повторный. Судья не снимает вопрос, отмечает, что ответ прозвучал.

Клювгант: Можете ли Вы указать, какие именно части территории Болотной площади были повреждены и как?

Прокурор просит снять вопрос как повторный. Судья снимает вопрос.

Клювгант: Кто выполнял работы, которые Вы сейчас перечислили?

Ищенко: ЗАО «Компаньон».

Клювгант: ЗАО «Компаньон». Каким образом была определена именно эта организация для выполнения этих работ.

Ищенко: Так как они выполняли текущий ремонт данных объектов, с ними был заключён государственный контракт.

Клювгант: Когда, кем?

Ищенко: Дату не могу Вам сказать, но был заключён с нашей стороны Бирюковым и президентом компании ЗАО «Компаньон».

Клювгант: Это был контракт именно на выполнение этих работ — по устранению повреждений? Или это был какой-то другой контракт?

Ищенко: По текущему ремонту был контракт. Сначала был один контракт заключен, но после того, как были выявлены повреждения, то они устраняли.

Клювгант: Повторяю вопрос. Повреждения, о которых Вы сейчас говорите суду, выполнялись организацией «Компаньон», так? (Ищенко: «Правильно».) На основании какого документа, решения, чьего решения был определён именно этот подрядчик для выполнения этих именно работ?

Ищенко: Насколько я знаю, они занимаются ремонтом дорожного хозяйства, и на Болотной площади занимались.

Клювгант: Я спрашиваю о конкретных работах. Они, может быть, занимались много лет, меня это не интересует. Интересует этот конкретный объём работ: почему он был поручен именно им? Кто принял это решение, как это решение было принято, по какой процедуре?

Ищенко: Потому что до 6 мая нами был заключён государственный контракт с данной организацией, и они выполняли работу по текущему ремонту объектов дорожного хозяйства.

Клювгант: Это не связано с тем, о чём я спрашиваю. Было ли заключено дополнение к этому договору? Как был определён подрядчик на эти работы? Как они были ему поручены, можете объяснить? Вы объясняете совсем другое пока.

Ищенко: Нечего добавить.

Клювгант: Нечего. Значит, Вы не можете ответить на вопрос?

Ищенко: Я Вам ответил на вопрос.

Клювгант: Нет. Вопрос о конкретных работах. Не вообще об отношениях вашей организации с организацией «Компаньон», а о конкретном объёме работ, Вами названных: ремонт Болотной площади, покрытия, там, тротуаров — то, что Вы перечислили. Больше ничего не интересует. Можете ответить на этот вопрос?

Ищенко: Что именно было составлено: дополнительное соглашение или ещё что-то — не могу Вам ответить на этот вопрос.

Клювгант: И как приглашался этот подрядчик, можете объяснить?

Ищенко: Я же Вам сказал...

Клювгант: Просто как постоянный подрядчик?

Ищенко: Да. Потому что они...

Клювгант: (*перебивает*) Вы так много говорите — понять трудно.

Ищенко: Ну, они выполняли работу на данном объекте ещё до 6 мая.

Клювгант: Больше никаких подрядчиков не искали. Сразу к ним пришли с этим заданием?

Ищенко: Потому что знаем...

Клювгант: *(перебивает)* Да не «потому что»! Вы просто скажите: так или не так.

Ищенко: Не искали, потому что он у нас уже был.

Клювгант: Всё, понятно. Скажите, пожалуйста, а как Вы можете доверять акту, [про] который Вы не знаете: когда и кем [он] был составлен? Я имею в виду дефектный акт.

Прокурор просит снять вопрос. Судья снимает вопрос в указанной формулировке.

Клювгант: Вам известно содержание дефектного акта?

Ищенко: Да.

Клювгант: Кто его подписал?

Ищенко: Конкретно не могу сказать, но обычно подписывает...

Клювгант: *(перебивает)* Что Вам известно из содержания дефектного акта конкретно? Дата неизвестна, подписи неизвестны, участники, стороны..

Ищенко: Объёмы и адресная привязка.

Клювгант: Перечислите, пожалуйста, что Вам конкретно известно из объёмов и адресной привязки в этом дефектном акте, которому Вы так доверяете.

Ищенко: Болотная улица, Болотная площадь и Фалеевский переулок, насколько я помню.

Клювгант: И что там, в дефектном акте, про эти три [объекта]: улицу, переулок и набережную — было сказано?

Ищенко: Что требуется ремонт в таком-то объёме.

Клювгант: В каком?

Ищенко: В каком — не могу точно сказать.

Клювгант: Какой ремонт требуется?

Ищенко: Бордюров и...

Клювгант: Дефектный акт — это документ про то, какой требуется ремонт? Или про что-то другое?

Ищенко: В принципе — да.

Клювгант: А без «в принципе»?

Прокурор просит снять вопрос. Судья вопрос не снимает, отмечает, что ответ прозвучал.

Клювгант: что является содержанием дефектного акта: перечисление ремонтных работ или что-то другое?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке как не имеющий отношения к предмету доказывания. Судья снимает вопрос как повторный.

Клювгант: В дефектном акте указываются объёмы работ, категории и виды работ, подлежащих выполнению, или там есть ещё какая-то информация?

Ищенко: Объёмы... Точно не могу сказать.

Клювгант: Точно не можете сказать. У меня больше нет вопросов.

Судья передаёт слово.

Шаров: Есть вопросы. Защитник Шаров. Скажите, пожалуйста, я буду Вас спрашивать сугубо по документам, относящимся к Вашей деятельности. По документам, находящимся в Вашем распоряжении Дирекции ЖКХ и благоустройства ЦАО, в каком состоянии находилась проезжая часть — покрытие на Болотной площади и Фалеевском переулке — до 6 мая?

Ищенко: Не могу ответить. Не знаю.

Шаров: У меня тогда вопрос. А Вы знакомились с документами, которые Ваша организация передавала в Следственный комитет? Ваша организация!

Ищенко: Нет, не со всеми документами. Со сметой знакомился.

Шаров: Хорошо. Скажите, пожалуйста, знакомились ли Вы со сметой на ремонт Болотной набережной?

Ищенко: Только с Болотной улицей знакомился сметой.

Шаров: У нас демонстранты были только на Болотной набережной, и больше — нигде. (Судья: «Вопрос?!») Так что меня интересует, знакомились ли Вы со сметой по Болотной набережной, которую Ваша организация передавала в Следственный комитет?

Судья снимает вопрос как повторный. Отмечает, что ответ дан.

Шаров: Скажите, пожалуйста, каким образом в Вашем иске присутствует Болотная набережная и Фалеевский переулок, когда никто из участников манифестации туда не был допущен полицией?

Ищенко: Не знаю, не могу Вам ответить.

Шаров: Скажите, пожалуйста, вот Вы говорите, что Вы знакомились. В каком объёме смета на Болотную улицу, как Вы говорите? В каком она объёме?

Ищенко: Вам стоимость? 27 приблизительно миллионов.

Шаров: Я Вас смею разочаровать, что она [нрзб 1:30:28] (Пауза. Судья: «Защита, вопрос!») Поэтому у меня вопрос к Вам: Вы её видели сами, своими глазами — или нет?

Ищенко: Видел.

Шаров: Тогда, Ваша честь, у меня есть ходатайство, просто, дать посмотреть ..., ну огласить здесь у нас в заседании суда смету на ремонт Болотной набережной, находящуюся у нас в деле. Это том 9, листы 99-104. А заодно, раз уж такой вопрос был, огласить очень частично, очень выборочно (там очень большая таблица, её не нужно всю оглашать) о состоянии объектов в более раннее время, балансовая справка (сейчас Вам скажу, где она находится) ... Приложение к акту о приёмке и передаче объекта основных средств от 12 сентября 8 года на баланс ГУП Госдирекции по. ЦАО, позднее переименовано в ГКУ Дирекцию ЖКХиБ ЦАО — это на листе 50. Там много объектов; естественно, только тех, которые касаются нас, — об их состоянии. И с тем, чтобы затем дальше продолжить допрос потерпевшего.

Судья: В настоящий момент Ваше ходатайство не может быть поставлено на обсуждение, поскольку не исчерпаны вопросы у других участников процесса, поэтому разъясняю Вам Ваше право заявить его чуть позднее.

Шаров: Хорошо.

[1:32:28]

Ключевант: Скажите, пожалуйста, а с чем связано, что в данном судебном заседании Ваша организация не заявляет гражданский иск по этому ущербу?

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Ключевант: Объясните, пожалуйста, причины, по которым Ваша организация приняла решение не заявлять иск в данном судебном разбирательстве?

Ищенко: Поручение директора.

Ключевант: Поручение о чём?

Ищенко: Не заявлять гражданский иск.

Ключевант: А мотивировка Вам известна этого решения директора?

Ищенко: Нет.

Ключевант: Нет, не известна. А вообще, работы-то были выполнены (те, о которых Вы нам тут рассказываете)?

Ищенко: Да, были.

Ключевант: А Вы можете это чем-то подтвердить здесь перед судом, под присягой?

Ищенко: Нет.

Ключевант: Больше нет вопросов.

Прокурор просит снять вопрос. Судья вопрос не снимает, так как ответ уже прозвучал.

Бадамшин: Адвокат Бадамшин. Скажите, пожалуйста, как часто проводятся подобные ремонтные работы на указанной Вами территории?

Прокурор просит снять вопрос, как не относящийся к предмету доказывания. Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, а до событий 6 мая 2012 года проводился, и как давно проводился ремонт на указанной территории? В курсе Вы или не в курсе?

Ищенко: Нет, я не в курсе.

Бадамшин: Скажите, а существует ли какой-либо гарантийный срок на асфальто-бетонное покрытие и на проведённые работы, на бордюрный камень?

Ищенко: На асфальто-бетонное покрытие — да, существует. (Бадамшин: «Какой?») В зависимости от того, какими смесями клали: 1 год и 2 года.

[1:34:33]

Бадамшин: Один год и два года. А как часто должна проводиться работа по ремонту этого покрытия?

Ищенко: Она проводится в зависимости.. имеются ли... требуются ли есть ли повреждения. Если нет — то не проводятся.

Бадамшин: А в бюджет вообще закладывается какая-то строка относительно ремонта покрытия при каких-то событиях внезапных, либо просто разрушения в связи с погодными событиями.

Ищенко: Не могу ответить, не знаю.

Бадамшин: Скажите, пожалуйста, а данное асфальтовое покрытие, бордюрный камень, колодезные люки, смотровые колодцы — они ставятся на баланс кому-либо?

Ищенко: Да, как правило — ставятся.

Бадамшин: А, вот, на данной территории на чьём балансе?

Ищенко: Не могу сказать.

Бадамшин: Они на вашем балансе? Не знаете.

Ищенко: Я не знаю.

Бадамшин: Хорошо. А скажите, пожалуйста, начисляется ли какая-либо амортизация на данное имущество?

Ищенко: По всей видимости, начисляется.

[1:35:50]

Судья передаёт слово.

Панченко: Адвокат Панченко. Скажите, пожалуйста, а до мая месяца 2012 года, когда крайний раз производился ремонт тех площадей, набережной, переулка?

Судья снимает вопрос как повторный.

Панченко: Скажите, пожалуйста, а за работы, перечисленные в смете, оплата производилась?

Ищенко: Насколько я знаю, да.

Панченко: А кому она производилась?

Ищенко: Подрядной организации, которая производила работы.

Панченко: А назвать можете: кому производилась оплата?

Ищенко: Насколько я знаю, ЗАО «Компаньон».

Панченко: Скажите, пожалуйста, а что явилось основанием для производства данных платежей?

Ищенко: Акт выполненных работ.

Панченко: Скажите, пожалуйста, данный акт кем, когда составлялся?

Ищенко: Не знаю. Не могу Вам пояснить.

Панченко: Какие объёмы работ в данном акте были указаны?

Ищенко: Те объёмы работ, которые были оговорены в смете.

Панченко: Скажите, пожалуйста, фактически были выполнены все работы, указанные в смете?

Ищенко: Могу только предполагать. По всей видимости — все.

Панченко: Скажите, пожалуйста, между кем и кем был подписан акт выполненных работ?

Ищенко: Он подписывается между Дирекцией и ЗАО «Компаньон».

Панченко: Скажите, пожалуйста, на момент подписания акта — работа считается выполненной?

Ищенко: Работа считается выполненной, когда подписан акт.

Панченко: Скажите, пожалуйста, а плательщиком работ, указанных в акте, кто являлся?

Ищенко: Так как мы являемся казённым учреждением, то бюджет города Москвы.

Судья передаёт слово.

Шаров: Защитник Шаров. Скажите, пожалуйста, а на основании какой процедуры Вашей дирекцией ЖКХ и благоустройства ЦАО был заключён договор с ЗАО «Компаньон» вот тот генеральный договор, в развитие которого делались работы по Болотной площади?

Ищенко: Я уже отвечал на этот вопрос.

Судья снимает вопрос как повторный.

Шаров: Я о процедуре заключения основного договора. Такого вопроса ещё не было.

Судья: Будьте внимательны.

Шаров: Скажите, пожалуйста, выносился ли этот договор на тендер или аукцион?

Ищенко: Я пояснял по этому поводу уже. (Судья: «Уточните, если защита не слышала».) Нами ещё до 6 мая был заключён государственный контракт открытым аукционом. Размещался заказ города Москвы.

Шаров: Можете ли Вы указать номер этого аукциона или тендера, под которым он стоял на сайте закупки [НРЗБ 1:39:18]?

Ищенко: Не могу указать Вам реестровый номер.

Шаров: А он там стоял?

Ищенко: Он присваивается всем. Значит, должен был. Лично не видел.

Шаров: А Вы видели сами этот договор: генеральный договор или контракт, который Ваша организация заключила с ООО «Компаньон»?

Ищенко: Лично — не видел.

Шаров: Объясните, пожалуйста, противоречие: Вы сказали, что Вы лично знакомились с документами, находящимися в Вашей организации?

Ищенко: И уточнил, что со сметой.

Шаров: Скажите, пожалуйста, а в реестре выполненных работ, на сайте реестра выполненных работ по государственным контрактам Вы можете назвать номер, по которому проходила выполненная работа по этому контракту?

Ищенко: Нет, не могу.

Шаров: В случае запроса, сможет ли Ваша организация предоставить в распоряжение суда банковские выписки перевода средств со счёта ЖКХ и благоустройства ЦАО как государственного заказчика и ЗАО «Компаньон» по этому объекту.

Ищенко: Да, я понимаю. Могут предоставить платёжное поручение.

Шаров: Банковские выписки.

Ищенко: Банковские выписки — нет. Только платёжное поручение.

Шаров: Это разные вещи.

Ищенко: Только платёжное поручение.

Судья передаёт слово.

Мохнаткин: Защитник Кривова Мохнаткин. Скажите всё-таки, на том тендере, на основании которого был объявлен конкурс, в перечне выставляемых на тендер работ район Болотной площади — он был поименован?

Ищенко: Насколько я понимаю, да.

Мохнаткин: Нет, мне нужно не «насколько я понимаю», а совершенно точно.

Ищенко: Да, был же заключён конкурсный контракт, значит да.

Мохнаткин: Я говорю, не во время нового контракта, а при конкурсе (конкурсе на выполнение работ) присутствовала эта территория?

Ищенко: В конкурсной документации? Да.

Мохнаткин: В открытом конкурсе Вы выставляли?

Судья снимает вопрос как повторный.

Мохнаткин: Но это нелогично. Он говорит про другое.

Судья: Если Вам нужна оценка, то это в другой раз.

Мохнаткин: Мне не оценка нужна, а я хочу знать, были ли эти территории...

Судья: *(перебивает)* Вопрос! Есть ещё вопросы, защитник?

Судья передаёт слово.

Макаров: Адвокат Макаров, защитник Кривова. Вы сказали, что заключался контракт. А на что заключался контракт, на какие конкретные работы?

Ищенко: По текущему ремонту объекта дорожного хозяйства.

Макаров: Заключался ли данный контракт на переукладку плитки на данной территории вместо асфальтового покрытия?

Ищенко: Надо смотреть предмет контракта.

Макаров: Так, Вы предмет контракта знаете?

Ищенко: По текущему ремонту — да. Но в предмет контракта не все виды работ могут входить.

Макаров: А в этом месте асфальт был повреждён? Что за текущий ремонт должен был производиться? В связи с чем?

Ищенко: Это плановый ремонт данного объекта.

Макаров: Плановый ремонт чего?

Ищенко: Дорожного покрытия.

Макаров: Оно было повреждено?

Ищенко: Я ж Вам уже отвечал на этот вопрос.

Судья снимает вопрос как повторный.

Макаров: А плитку там должны были или не должны были класть? Вы не ответили.

Ищенко: Не могу Вам сказать. Нужно смотреть конкретно договор.

Макаров: Не можете. Дату контракта можете сказать?

Ищенко: Нет.

Макаров: Работы по данному контракту начали выполняться к моменту 6 мая 2012 года?

Ищенко: Я дату контракта не знаю, поэтому не могу Вам сказать, начали они выполняться или нет.

Макаров: А хотя бы рубль по данному контракту или вообще какая-то сумма по данному контракту до 6 мая 2012 года была освоена?

Ищенко: Работы производятся только после того, как подписан акт приёмки работ.

Макаров: Какие-то акты приёмки работ до этого подписывались?

Ищенко: Я отвечал на этот вопрос. Я не знаю.

Судья снимает вопрос как повторный. Макаров указывает, что вопрос не был повторным. Судья говорит, что Ищенко уже давал пояснения.

Шаров: У меня ещё один есть вопрос. Скажите, пожалуйста, а до 14 августа 2012 года эти работы были выполнены или нет?

Ищенко: Не знаю.

Сумин: Защитник Сумин. Скажите, пожалуйста, а те повреждения, о которых Вы говорили, они каким способом наносились?

Ищенко: Я же не был очевидцем этих событий.

Сумин: Нет, скажите, пожалуйста, вот для того, чтобы повредить те объекты, которые Вы перечислили, инструмент какой-нибудь применялся (судя по следам, которые на них могли бы остаться)?

Судья снимает вопрос в указанной формулировке.

Сумин: Известно ли Вам что-либо о применении инструмента какого-либо для причинения тех повреждений, о которых Вы говорили?

Ищенко: Нет, не известно.

Сумин: Неизвестно. Скажите, пожалуйста, а известно ли Вам что-либо о применении техники для повреждения тех объектов, о которых Вы говорили?

Ищенко: Ещё раз можно? Что Вы говорили?

Сумин: Применялась ли техника для нанесения тех повреждений, о которых Вы говорили?

Ищенко: Не знаю.

Сумин: Не знаете, очень хорошо. А скажите, пожалуйста, на какую глубину было повреждено дорожное покрытие?

Ищенко: Тоже не могу Вам ответить, не знаю.

Сумин: А скажите, пожалуйста, те повреждения, о которых Вы говорили, устранялись в рамках текущего ремонта?

Ищенко: На основании дефектного акта.

Сумин: Но это было в рамках текущего ремонта или же иначе?

Ищенко: Нет, на основании дефектного акта. Текущий ремонт — нет.

Сумин: А вот, скажите, пожалуйста, ремонт повреждённых участков был запланирован до 6 мая?

Ищенко: Уважаемый суд, уже задавали же уже этот вопрос. Я уже отвечал на этот вопрос.

Судья: «Скажите, что уже отвечали». Макаров: «А как Вы ответили — «Не знаю»?» Судья предлагает задавать вопросы.

Сумин: То есть вопрос снимается? Хорошо. А вот, скажите, пожалуйста, во время планового ремонта дорожному покрытию наносились повреждения?

Ищенко: Я уже отвечал на данный вопрос.

Сумин: Нет, такого точно не было.

[1:47:31]

Ищенко: Не знаю.

Сумин: То есть Вы не знаете, наносились ли повреждения дорожному покрытию во время планового ремонта. (Судья: «Как повторный...») Хорошо. А скажите, пожалуйста, дорожному покрытию во время планового ремонта должны были наноситься повреждения?

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Сумин: Хорошо. А вот, согласно технологии во время планового ремонта участков дорожного покрытия (в районе Болотной площади после 6 мая) должны были наноситься повреждения?

Ищенко: Что значит «должны были наноситься повреждения»?

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Сумин: Хорошо. Во время планового ремонта старое дорожное покрытие каким-либо образом разрушается перед тем, как положить новое?

Ищенко: Снимается.

Сумин: Оно снимается каким способом?

Ищенко: Фрезелированием.

Сумин: Я не специалист. Просто расшифруйте этот термин.

Ищенко: Снимается верхний слой дорожного полотна.

Сумин: Он каким образом снимается: за ручку берётся и уносится? Как?

Ищенко: Техника специальная это делает.

Сумин: Она снимает — каким способом?

Ищенко: Существуют разные способы. А именно по текущему ремонту — я не знаю, что было заложено.

Сумин: То есть старое дорожное покрытие после того, как оно снимается с дороги, остаётся целым — или же нет?

Ищенко: Его утилизируют. (Сумин: «Что?») Его утилизируют — старое дорожное покрытие.

Сумин: Его утилизируют в целом, неповреждённом виде?

Ищенко: Возможно, есть повреждения, когда снимают.

Сумин: А повреждения какого характера — Вы не могли бы описать?

Ищенко: Нет, не мог бы описать.

Сумин: А исходя из чего Вы допускаете, что там эти повреждения могут возникать?

Ищенко: Предположил.

Сумин: А на чём основано вот такое Ваше предположение?

Ищенко: Как правило, наносятся повреждения старому покрытию, которое снимается.

Сумин: А в данном случае, как Вы считаете, такие повреждения могли быть нанесены?

Судья снимает вопрос в данной формулировке.

Сумин: А вот, скажите, пожалуйста, при плановом ремонте в отношении бордюрного камня: старый бордюрный камень снимается с того места, на котором он находится?

Судья снимает вопрос как повторный. Судья передаёт слово.

Мохнаткин: Защитник Мохнаткин. Скажите всё-таки, пожалуйста, Вы так и не ответили: какие требования по качеству вы предъявляете к подрядчику (по качеству предоставляемых ими услуг)? Техническому качеству, какому-то другому качеству?

Ищенко: Мы совместно с ОАТИ проводим проверку.

Мохнаткин: Это контроль качества? (Ищенко: «Да.») Я спрашиваю: какие у вас требования по качеству?

Ищенко: Они заложены в государственном контракте. Заложены в государственном контракте.

Мохнаткин: Я понимаю, что они заложены. Меня интересует: какие требования по качеству?

Судья снимает вопрос как повторный.

Мохнаткин: Возражаю, Ваша честь. Технические характеристики тех работ, которые вам выполняются — Вы хоть немножко имеете представление?

Ищенко: Какие именно?

Мохнаткин: Ну например, прочность тех материалов, которые устанавливаются в качестве обустройства дорожного покрытия?

Ищенко: Я представляю, что они должны надлежащего качества быть.

Мохнаткин: Какого — надлежащего? Вам известно, например, какой величины механическое воздействие должно быть, чтобы нанести повреждение бордюрному камню?

Судья снимает вопрос в данной формулировке, как не относящийся к предмету судебного разбирательства.

Мохнаткин: Ваша честь, я просто хочу знать, знает ли [нрзб 1:52:14] прочность... ?

Судья: (перебивает) Защита, у Вас вопросы не ко мне, а к представителю — есть?

Мохнаткин: Ваша честь, я просто поясню мотивировку для своих вопросов.

Судья: Вы не вправе сейчас этого делать. У Вас вопросы есть — задайте.

Мохнаткин: (судье) Я объясняю свои действия и ничего не требую. (к Ищенко) Всё-таки, Вы можете сказать, какова прочность того же бордюрного камня, люков? Какие механические воздействия они способны выдержать, а какие нет? Примерно хотя бы! Я не говорю точные, там, математические величины.

Ищенко: Не знаю, не могу Вам ответить на этот вопрос.

Мохнаткин: Ну то есть Вам могут установить любые, Вы потом проверите — акт составите.

Ищенко: Нет, у нас специальный отдел существуют, который проверяет.

Мохнаткин: Скажите, пожалуйста, после того, как танки ходят на парад на Красную площадь, Вы меняете люки? Они через них ходят.

Судья снимает вопрос, как не относящийся к предмету судебного разбирательства.

Мохнаткин: Возражаю, Ваша честь. Я так и не понял, что это за бордюрные камни от одного взгляда разрушаются.

Судья: У Вас есть сведения о посещении танков?

Судья передаёт слово.

Аграновский: Адвокат Аграновский. Чем Вы можете помимо актов подтвердить факт разрушения асфальтового покрытия, если на имеющихся в деле фото- и видео-материалах какое-либо повреждение асфальтового покрытия отсутствует?

Прокурор просит снять вопрос в указанной формулировке. Аграновский: «Он простейший!» Судья снимает вопрос.

Макаров: Адвокат Макаров, защитник Кривова. А можете назвать площадь повреждённого покрытия, характер повреждения, глубину повреждения?

Судья снимает вопрос как повторный.

Макаров: А «характер повреждения» — задавался вопрос? Про глубину повреждения тоже задавался вопрос? Не задавался.

Допрос представителя потерпевшего окончен.

Шаров: Я ходатайствую об оглашении в суде двух документов: сметы, локальный сметный расчёт на текущий ремонт дорожного строительства ЦАО города Москвы, Болотной набережной. Значит, это том 9 листы дела 105-108. Ну хотя бы по позициям, и суммам: что включено в неё и суммы. Может быть, не все цифры оглашать, ну просто сметы там... (понятно, сметные коэффициенты не имеет смысла оглашать). И второе: это балансовое приложение к протоколу о передаче на баланс ЖКХ ЦАО этих объектов это тот же том 9 лист 50. Только в части интересующих нас объектов: Болотной площади, Болотной набережной, не обсуждая весь ЦАО.

Судья ставит ходатайство на обсуждение.

Бадамшин: На усмотрение суда.

Адвокаты Панченко, Ключевант, Григоренко — на усмотрение суда. Кавказский — согласен с мнением адвоката Ключеванта.

Адвокаты Дубровин, Горяинова, Аграновский, Макаров, Динзе, Самохин, Айвазян, Ветринцев, защитники Борко, Сумин, Тарасова, подсудимые Ковязин, Акименков, Белоусов, Зимин, Барабанов, Савелов, Полихович, Баронова, Духанина — поддерживают.

Мохнаткин: Поддерживаю, и утверждаю, что смета эта просто является дутой и не имеется никаких представлений о наличии каких-либо повреждений на Болотной площади вообще. Я утверждаю: там никаких не было повреждений — как очевидец.

Представитель потерпевшего — на усмотрение суда.

Прокурор: Возражаю против удовлетворения заявленного ходатайства, поскольку в настоящий момент — стадия представления доказательств стороной обвинения. Мы возражаем против изменения порядка исследования каких-либо документов по ходатайству защиты.

Судья: Выслушав мнения сторон, суд постановил: ходатайство защитника Шарова об оглашении листов дела оставить без удовлетворения, поскольку защитником не приведены основания для исследования данных документов в настоящий момент, а доказательства представляет на данной стадии сторона обвинения. Ещё какие-либо вопросы представителю?

Шаров: Ваша честь, я хочу повторно заявить ходатайство, мотивируя это теми противоречиями, которые были в показаниях потерпевшего и в материалах дела. В показаниях потерпевшего указано, что ущерб был нанесён на сумму 28 примерно миллионов рублей. В то время как смета, (о которой он говорит, что с ней знаком) на полный ремонт, в полном объёме — капитальный ремонт покрытия Болотной набережной, то есть единственного места, где находились участники, где происходили все события, представленные в деле, — составляет всего лишь 8,8 миллионов рублей. Во-вторых, смета составлена вовсе не ЗАО «Компаньоном», о котором нам говорил подрядчиком составленная смета, а другим подрядчиком: ООО «Руслан-1». В-Третьих, оглашение балансовой справки необходимо потому, что балансовая справка показывает, что износ дорожного покрытия [НРЗБ 1:59:18] упомянутых объектов в районе Болотной площади составлял 100%. Его балансовая стоимость составляла 0 рублей 0 копеек. И поэтому никакого ущерба нанести ему, строго говоря, было уже нельзя. Поэтому я прошу повторно огласить эти очень небольшие по объёму документы.

Судья ставит ходатайство на обсуждение.

Бадамшин: Ваша честь, я хочу пояснить, почему я оставляю это на усмотрение суда. Мы просто хотим сказать, что как раз вот эти формулировки — они лучше всего для прений. Поэтому я оставляю для суда, а не для гособвинения, чтобы им помогать. На усмотрение суда.

Адвокаты Григоренко, Дубровин, Аграновский, Ветринцев, защитник Тарасова, подсудимые Кавказский, Белоусов, Зимин, Духанина — на усмотрение суда.

Клювгант: Адвокат Клювгант, защитник Кавказского. Я согласен с коллегой Бадамшиным и полагаю, что учитывая то, как отвечает господин Ищенко на все абсолютно вопросы, это мало чем поможет. Там, собственно, и разбираться не с чем. Это не показания (его же предыдущие), чтобы устранять в них противоречия. А с документами мы разберёмся как-нибудь без его участия и помощь, сами на последующих стадиях.

Адвокаты Макаров, Динзе, Самохин, Айвазян, защитники Мохнаткин, Борко, Сумин, подсудимые Ковязин, Акименков, Барабанов, Луцкевич, Савелов, Полихович — поддерживают (Баронова зависит от мнения Барабанова).

Представитель потерпевшего — на усмотрение суда.

Прокурор: Возражаем по тем же основаниям, которые уже были озвучены.

Судья: Выслушав мнения сторон, суд постановил: ходатайство защитника Шарова, повторно заявленное об оглашении документов из материалов дела, оставить без удовлетворения, так как ссылки защитника на наличие противоречий не могут служить обоснованием для изменения порядка исследования доказательств, которые на настоящее время представляет сторона обвинения, а оценка всех доказательств даётся судом в иной стадии.

Прокурор просит освободить представителя потерпевшего от присутствия в зале суда, так как его допрос окончен.

Судья спрашивает, имеются ли возражения.

Баронова: Возражаю. Баронова. Потому что молодой человек 91-го года рождения повесил мне, девушке чуть старше его, но тоже [НРЗБ 2:03:02] 28 миллионов рублей! Мне кажется, что вполне полезно ему будет послушать, как вот я и все остальные подсудимые виноваты в том, что эти 28 миллионов рублей были украдены у его организации.

Судья: У Вас ещё есть какие-то дополнительные [вопросы] к представителю потерпевшего?

Бадамшин: Я поддерживаю свою подзащитную. Но, если Вам, действительно, неинтересно — то Вы, конечно, можете, я считаю, покинуть... Но я думаю, Вам будет полезно, интересно посидеть с людьми, послушать, что здесь происходит. Тут ребята молодые, такие же, как и Вы. Может быть, что-то, действительно, поменяется у Вас в сознании. Смотрите! Мы Вас никоим образом не гоним, поэтому лучше Вы останьтесь.

Судья: При наличии данных возражений в настоящий момент такой возможности не усматривается, поэтому пусть представитель потерпевшего поприсутствует. Пожалуйста, сторона обвинения, просим Вас!

Макаров: Ваша честь, а у стороны защиты есть...

Прокурор: Прошу продлить срок содержания под стражей подсудимым Барабанову Андрею Николаевичу, Белоусову Ярославу Геннадьевичу, Зимину Степану Юрьевичу, Кривову Сергею Владимировичу, Луцкевичу Денису Александровичу, Полиховичу Алексею Алексеевичу, Савелову Артёму Викторовичу, Акименкову Владимиру Георгиевичу и Ковязину Леониду Николаевичу, а также просим продлить срок домашнего ареста Духаниной Александре Ивановне. Полагаем, что оснований для изменения меры пресечения указанным лицам не имеется. Просим продлить, соответственно, на 3 месяца.

Смешки на скамье подсудимых. Реплики: «Отлично!»

Адвокат [2:04:35]: Ваша честь, я прошу до рассмотрения ходатайства объявить перерыв, потому что не обедали подзащитные, ну и нам надо немножко к этому подготовиться.

Макаров: Ваша честь, адвокат Макаров. Прошу рассмотреть это заявление письменное Кривова о его медицинском осмотре врачами Скорой помощи.

Судья: В настоящий момент заявлено ходатайство стороной обвинения, поэтому иные ходатайства мы не вправе рассматривать. Если вам есть необходимость готовиться — пожалуйста, 30 минут перерыв.

Макаров: А Кривову можно Скорую помощь вызвать?

Судья: Защита, оснований не имеется. Справка представлена.

Макаров: А можно эти справки посмотреть у секретаря, Ваша честь?

Шаров: Ваша честь, можно ознакомиться со справками?

Ответ судьи не слышен. Перерыв в заседании.

[2:05:25]

Продолжение заседания: 16:05:33. (после 1-го перерыва)

Аплодисменты. Вводят подсудимых.

Разговоры в зале, все занимают свои места.

[0:08:23]

Судья: Обсуждается заявленное ходатайство. Слово предоставляется представителю потерпевшего

Слов представителя потерпевшего не слышно из-за шума.

Судья предоставляет слово стороне защиты. [Вначале ничего не слышно с 39 по 53 секунды]

Бадамшин: Ваша честь, я говорил речь, гособвинитель меня не услышал, так как была [НРЗБ 0:08:59], и мне непонятно, что гособвинение требует в отношении моей подзащитной. Если можно, сейчас ещё раз повторить.

Прокурор: Про Баронову речь не шла.

Бадамшин: Ваша честь, ну относительно того, что речь не идёт про Баронову, я уже высказался относительно неё. А по всем остальным я, естественно, возражаю, потому что гособвинение в очередной раз не привело каких-либо доводов и оснований для своих требований.

Панченко: Адвокат Панченко. Я возражаю против ходатайства государственного обвинителя о продлении сроков содержания под стражей. Во-первых, государственным обвинителем не указано, до какой даты подлежит продлению, указан только срок [НРЗБ 0:09:40], а до какой даты — не указано. Согласно [НРЗБ] суда, указывают не только срок продления, но и до какой даты подлежит содержанию под стражей человек. Во-вторых, я полагаю, что государственным обвинителем не указано на то, в силу каких обстоятельств необходимо продление в отношении Зими́на столь строгой меры пресечения, как содержание под стражей. Дальше. В отношении Зими́на может быть применена мера пресечения, не связанная с содержанием под стражей, в частности — домашний арест, который он может отбывать в городе Москве по адресу (*зачитывается адрес*). Далее, в жилом помещении он имеет право пользоваться [НРЗБ 0:10:28]. Поэтому я прошу в данном ходатайстве отказать и изменить меру пресечения в отношении Зими́на на не связанную с содержанием его под стражей.

Клювгант: Адвокат Клювгант, защитник Кавказского. Ваша честь! Ну, индивидуальных заявлений касательно моего подзащитного у меня в связи с этим ходатайством не будет, поскольку оно его лично не касается. Что касается оценки отношения к данному ходатайству в целом, ну я, конечно, не могу не отметить прогресс, что на этот раз хотя бы фамилии названы. Но зато не названо ни одной ссылки на норму закона! Видно, прокуратура в этом деле позволяет себе только что-то одно: или имена с фамилиями, или ссылку (хотя бы) на норму закона. Вот, остальное было бы уже перебором. Обоснований нет никаких. Поэтому я полагаю, что единственная реакция на подобное ходатайство от беспристрастного суда, руководствующегося законом — это отказ в нём и частное постановление в адрес прокуратуры в связи с вопиющим нарушением закона и невыполнением процессуальных обязанностей государственным обвинителем по поддержанию законного и обоснованного обвинения. Если представить себе, что в данном процессе подобное ходатайство было бы заявлено

стороной защиты (с таким отсутствующим напрочь обоснованием), его судьба никаких сомнений бы не вызывала. Может быть (в порядке эксперимента) один раз попробовать сделать то же самое с ходатайством обвинения? Конечно же, я категорически против его удовлетворения. Спасибо.

Дубровин: Адвокат Дубровин. Ваша честь! Полностью согласен с высказыванием адвоката Ключванта и поэтому прошу по тем же основаниям в удовлетворении заявленного ходатайства стороне обвинения отказать.

Горяинова:

Адвокат Горяинова. Я возражаю против заявленного ходатайства о продлении меры [пресечения] содержания под стражей сроком на 3 месяца в отношении всех названных подсудимых. Обращаю внимание, также, на отсутствие ссылок на УПК. И в свою очередь, я также хотела бы сослаться на норму УПК, которая позволяет говорить об изменении меры пресечения в отношении своего подзащитного Белоусова Ярослава Геннадьевича. В частности, статья 255 уголовно-процессуального кодекса позволяет нам, что в ходе судебного разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого. При этом суд должен руководствоваться нормами [статьи] 110 УПК Российской Федерации: «Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьями 97, 99 УПК». Вот сейчас та ситуация, когда можно говорить, что в этой мере пресечения отпадает необходимость, и все, имеющиеся и подтверждающие это документы уже имеются в деле. Ну в частности, мне хотелось бы отметить, что Белоусов не может влиять ни на потерпевшего, ни на свидетелей, поскольку все лица, которые были заявлены к вызову в суд к допросу, уже были допрошены судом.

Кроме того, у Белоусова имеется малолетний сын, который нуждается в операции (плановой операции), назначенной на 16 декабря этого года. В частности, ему должна быть сделана операция по поводу кисты шеи. Состояние ребёнка не улучшается, а только ухудшается, а надлежащий уход за ребёнком осуществлять некому, поскольку жена Белоусова (Лиханова Тамара Юрьевна) является студенткой 5 курса факультета политологии МГУ им. Ломоносова и сейчас находится на 5 курсе обучения. И в настоящий момент академотпуск ей брать нецелесообразно, несмотря на то, что законодательство позволяет брать академический отпуск, а также позволяет воспользоваться отпуском до достижения ребёнком возраста 3 лет.

Поскольку же основания для продления меры пресечения в отношении Белоусова не указано, то документы, имеющиеся в деле, говорят об обратном. Кроме того, в качестве гарантов выступили лица достаточно известные у нас в стране, и они подтвердили своё личное поручительство. Это касается МГУ, в частности, факультета политологии в лице декана Шутова, это касается юридического факультета МГУ кафедра уголовного права и криминологии доцента, кандидата юридических наук (Судья: «я уже ничего не слышу. Вы уже стали разговаривать во весь голос». Кто-то извиняется.) Голоднюк[?], это касается и личного поручителя Харичева, являющегося директором журнала «Знание — сила», а также личное поручительство было дано Ахеджаковой. Ссылаясь на данные нормы закона, прошу изменить Белоусову меру пресечения на любую, не связанную с лишением свободы.

Аграновский:

Адвокат Аграновский. Прежде всего, я дополню по Ярославу Белоусову. Также, есть личное поручительство депутата Государственной Думы Тетёкина Вячеслава Николаевича свежее, от 18 октября 2013 года. В деле появилась справка из следственного изолятора № 2 о том, что Белоусов страдает вегето-сосудистой дистонией по гипотоническому типу, а такого заболевания у него не было на момент ареста. Ну, и есть ряд других обстоятельств.

Уважаемый суд, по Акименкову также я хотел бы обратить внимание на его заболевания. Сведения эти в деле все имеются, неоднократно изучались, в том числе и настоящим судом. Можно в полной мере отнести к Акименкову слова моей уважаемой коллеги, что все свидетели и потерпевшие по делу допрошены, и таким образом, находясь на свободе, наши подзащитные не могут повлиять на следствие, и уж тем более — на суд. Никаких обстоятельств, которые могли бы заставить предположить, что наши подзащитные могут скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать правосудию, оказать давление на свидетелей и потерпевших — их не приведено. Мало того, их даже и не пытались приводить. Вот, но их нет и во всех материалах дела!

Потом, как я обращал внимание в прошлый раз уже, Европейский суд в своих решениях по делу, например, «Линд против России», «Вяткин против России», «Колунов против России», «Зенцов и другие против России» и многие-многие другие (эти решения все вступили в законную силу, соответственно, с постановлением пленума Верховного суда на эту тему они являются частью нашей правовой системы) — там постоянно говорится, что вот этот, как они выражаются, «коллективный ордер» недопустим. Недопустимо ставить вопрос о продлении меры пресечения сразу в отношении всех, что, собственно, сейчас и делается.

Уважаемый суд, я хотел бы вернуться к своему многострадальному ходатайству (я сейчас, естественно, не в форме ходатайства это буду заявлять), и обратить внимание уважаемого суда на документы, полученные мной из Европейского суда. Я для ознакомления передавал их уже уважаемым представителям государственного обвинения. У меня есть мнение, что и уважаемый суд тоже с содержимым их ознакомлен. Поскольку мы из Мосгорсуда переехали всё-таки в Никулинский суд, значит, эти документы как-то были доведены до правительства. Тем не менее, я буду просить их приобщить к материалам дела. Это: английское «изложение фактов и вопросы Европейского суда» и перевод на русский язык «изложения фактов и вопросов Европейского суда». Я озвучу — это как бы в обоснование нашей позиции, что Европейский суд объединил в одно производство и придал приоритет семи жалобам в отношении Акименкова, Барабанова, Белоусова, Кавказского, Косенко, Ковязина и Савелова. Жалоба эта называется «Владимир Георгиевич Акименков и шестеро других против России». До 17 января 2014 года правительство должно дать ответ на меморандум, ответы на вопросы Европейского суда. Поставлено 26 вопросов в общей сложности, поставлен вопрос о том, был ли правомерен арест. Вот, я честно скажу, наши коллеги постоянно работают с Европейским судом, я первый раз вижу в практике, чтобы ставили, вопрос о правомерности ареста, именно. Поставлены вопросы о правомерности продления и поставлены вопросы о бесчеловечном отношении и нарушении права на защиту в следственном изоляторе, в ходе транспортировки в суд и в самом зале суда.

Я, уважаемый суд, некоторые вопросы зачту, и тут же на них буду отвечать.

[Вопрос]: При избрании, продлении меры пресечения уважалась ли судами презумпция в пользу освобождения? Насколько было распределено бремя доказывания?

[Ответ]: Бремя доказывания полностью возложено на нас, потому что уважаемые представители гособвинения равным счётом никаких доказательств в обоснование необходимости продления не привели. А бремя доказывания не может быть возложено на нас — на подсудимых. Оно должно быть возложено на государство, на ту сторону, которая ходатайствует о продлении.

[1:33:00]

[Вопрос]: Оценивались ли судами конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о рисках якобы созданных заявителями?

[Ответ]: Конечно, не оценивались! Нам вообще никакие риски, якобы созданные заявителями, не приведены! Дальше.

[Вопрос]: Рассматривали ли суды соответствующие доказательства для того, чтобы установить реальное существование этих фактов?

[Ответ]: Конечно, Вы не можете это рассматривать, опять же, потому что представителями гособвинения никакие факты в обоснование опасности освобождения наших подзащитных не приведены.

[Вопрос]: Рассматривали ли суды возможность применения менее тяжёлых мер пресечения для заявителей, таких как залог, домашний арест, электронное наблюдение, личное поручительство и так далее?

Ну я прошу, уважаемый суд, чтобы Вы рассмотрели и в своём постановлении, если Вы не согласитесь с нами, чтобы Вы указали: почему нельзя применить альтернативные меры пресечения? При том, что они доказали свою эффективность в отношении вот даже у нас участников процесса. Или в отношении Удальцова, который обвиняется в более тяжком преступлении. Эти меры пресечения показали свою эффективность! Почему нельзя их применить к нашим подзащитным? Я говорю, что за наших подзащитных (конкретно — за Белоусова и Акименкова) есть личное поручительство, у них есть постоянное место жительства в Москве, регистрация в Москве, за них готовы внести залог.

[Вопрос]: Учитывали ли суды должным образом меняющуюся ситуацию с заключёнными и меняющуюся необходимость заключения, продлевая им сроки содержания под стражей?

[Ответ]: Судебное следствие практически окончено. Ситуация изменилась. Уважаемые гособвинители никаких сведений, никаких доказательств не привели, что, несмотря на то, что мы допросили практически всех свидетелей и потерпевших, всё равно необходимо держать наших подзащитных под стражей. Я прошу, уважаемый суд, учесть вот этот вопрос и обосновать: почему, если ситуация изменилась, всё равно наших подзащитных надо держать под стражей?

[Вопрос]: Была ли властями проявлена особая тщательность в проведении судебного разбирательства в отношении заявителей, как того требует статья 5 часть 3 Конвенции? В частности, произвели ли суды оценку конкретных процессуальных действий, которые необходимо предпринять в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, а также причины, почему эти действия не были предприняты ранее?

[Ответ]: Уважаемый суд! Гособвинение представляло доказательства. Нас тут обвинили, что защита затягивала процесс. Защита была на работе. Нам тоже нет особого удовольствия сидеть в этом процессе годами. Мы всего лишь выполняли свою работу.

Действительно, я прошу уважаемый суд проявить особую тщательность. Но уважаемый суд не может проявить особую тщательность, потому что ему никаких доводов не приведено стороной гособвинения — нечего анализировать! Какие остались у нас процессуальные действия? Процессуальные действия у нас остались минимальные. Остались фактически, доказательства защиты. Всё это может быть представлено, если наши подзащитные будут находиться на свободе.

Таким образом, уважаемый суд, Вы, наверно, видите, что я без особых проблем (к сожалению — без особых проблем) ответил на все эти вопросы Европейского суда отрицательно. И разумеется, в дополнение к нашим жалобам (а у нас ещё есть жалобы, помимо перечисленных, в отношении Луцкевича, в отношении Полиховича, в отношении Зимина, и ещё в отношении Гаскарова, который по нашему делу не проходит) — разумеется, мы обо всём этом напишем. Какое будет решение? Ну тут, как говорится, семи пядей во лбу не надо, чтобы его предсказать. Я просто не понимаю, зачем нужно его усугублять ещё? Просто чтобы показать, что мы ни с кем не считаемся, и что мы непримиримы? Ну может быть, для человека эта позиция иногда достойная. Но для государства она просто непонятная и необъяснимая.

Да, ещё очень важный момент! Дело наше тянется для таких обвинений беспрецедентно долго. Характер обвинений совершенно несопоставим вообще с мерой пресечения в виде содержания под стражей. Я могу говорить конкретно про Белоусова и про Акименкова. Но думаю, что мои коллеги поддержат в отношении других подзащитных. Даже если допустить мысль, что наши подзащитные действительно виновны в том, в чём ~~они~~ ~~виноваты~~ их обвиняют. Я не понимаю, зачем усугублять ситуацию, и зачем её вокруг этой меры пресечения обострять. Они просидели уже более чем достаточно. И я думаю, что можно было бы прекрасно разрядить обстановку, заменив им меру пресечения на любую другую, не связанную с лишением свободы. И в заключение, я прошу в обоснование нашей позиции вот эти документы обозреть, ну по крайней мере прочитать, ознакомиться с их содержанием. Если посчитают, что они не подлежат приобщению — ну ладно, пусть так тому и быть. Но позиция будет внесена.

[0:25:56]

Судья: Сторона защиты ознакомлена с документами об обозрении которых ставит вопрос адвокат Аграновский?

Адвокаты отвечают, что ознакомлены. Подсудимые тоже подтверждают, что ознакомлены. Гособвинение тоже подтверждает, что ознакомлено.

Аграновский: Да, уважаемый суд! Ещё я хотел бы добавить, если можно, что события 6 мая, которые наши потерпевшие, не имеющие специального юридического образования, называли массовыми беспорядками, Европейский суд называет «разгоном демонстрации». Мне вот это определение как-то ближе. У меня всё.

Григоренко: Адвокат [нрзб 0:26:33] защита Полиховича. Уважаемый суд и участники процесса! Я считаю, что данное ходатайство удовлетворению не подлежит, и в обоснование своей позиции хотела бы сослаться на положения статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса, а также Постановление Верховного суда РФ от 29 октября 2009 года. Согласно положениям, для продления срока содержания лица под стражей требуется наличие конкретных фактических обстоятельств, обосновывающих такое продление, а также доказательств, подтверждающих наличие обстоятельств, необходимых для продления срока содержания лица под стражей. Поскольку суду таких доказательств

не представлено, у защиты имеются все основания предполагать, что их вовсе не существует, в связи с чем прошу в удовлетворении данного ходатайства отказать.

Макаров:

Адвокат Макаров, защитник Кривова. Адвокаты высказались очень хорошо в защиту всех подсудимых, в защиту своих доверителей. Я тоже хочу сказать, что, в принципе, здесь возникает такая ситуация. Являясь защитником Кривова к общему ходатайству, точнее, по ходатайству прокуратуры в отношении всех подсудимых, присутствующих в судебном заседании, я также поддерживаю других защитников, и считаю, что оно не подлежит удовлетворению. Потому что оно не обосновано, не содержит никакой аргументации, даже мало-мальской: почему им надо продлить, почему именно на 3 месяца продлить, а не на полгода и не на месяц, вот, почему вообще надо продлевать, для чего написан уголовно-процессуальный закон, который чётко требует мотивации всех действий каждой из сторон. И только гособвинение у нас не соблюдает, что 6 июня 2013 года на предварительных слушаниях им достаточно было общую фразу заявить, что «прошу продлить всем этим подсудимым срок содержания под стражей на 6 месяцев». Сейчас поимённо названы — на 3 месяца. Причём это требование в отношении каждого из названных подсудимых не индивидуализировано, так же как в отношении Кривова оно не имеет никаких конкретных обоснований. Для того, чтобы возражать против данного ходатайства, защита должна знать, какими аргументами руководствуется, заявляя подобное ходатайство, гособвинение. Таких аргументов нет, и возражать по сути можно против самого заявленного ходатайства, что само по себе в общем-то абсурдно, постольку-поскольку гособвинение вправе заявить подобное ходатайство, но оно обязано аргументировать это, чего не сделано.

И защита Кривова обращает на это внимание суда, что аргументации: почему конкретно Кривову нужно продлить меру пресечения — гособвинение в своём ходатайстве не аргументировало. Не назвало ни одного основания, для продления ему меру пресечения, не обосновало, почему не может быть изменена мера пресечения на более мягкую, например, подписку о невыезде либо домашний арест. В связи с чем оно исходит, из какой практики? Где оно эту практику взяло, потому что сегодня судебная практика идёт по пути гуманизации заключения под стражу даже по более тяжким преступлениям. Мы знаем, что в отношении сотрудников правоохранительных органов, сотрудников конкретных громких дел, связанных с убийствами граждан при выполнении убийцами должностных обязанностей, тем не менее, по ряду громких, резонансных дел суды в Российской Федерации избирали обвиняемым — сотрудникам правоохранительных органов достаточно мягкие меры пресечения, не связанные со взятием под стражу. Никого это не пугало, лица эти как правило не скрывались, поэтому почему нельзя к нашим доверителям-подзащитным применить более мягкую меру пресечения, а именно нужно оставить их под стражей, гособвинение не аргументировало.

Кривову 52 года. Он кандидат физико-математических наук, интеллигент, имеет семью, малолетних детей, московскую регистрацию, во время ареста он работал, к уголовной ответственности ранее не привлекался, участие в событиях 6 мая 2012 года, как и для многих других участников процесса, а также участников самой разогнанной полицейскими силами манифестации, причём разрешённой и санкционированной Правительством Москвы, оно не являлось каким-либо криминальным действием, имело направленность выразить политический протест, на что, собственно говоря, любой гражданин имеет право. Эти права граждан, в том числе и право Кривова, не может быть ничем ограничено.

Сегодня мы видим, что именно эти политические права без суда, без состоявшегося судебного решения ограничиваются. Демонстрируется и самим подсудимым, и другим гражданам, что участие в подобных антиправительственных политических мероприятиях может строго преследоваться под любым благовидным или неблаговидным предлогом. Чему мы и являемся свидетелями в данном политическом процессе.

Поэтому я считаю, что суд, с моей точки зрения, должен занять гражданскую позицию, не следовать требованию гособвинения, не удовлетворять данное ходатайство. Более того: с моей точки зрения, заявление данного ходатайства подобным образом и в подобном объёме суд (с моей точки зрения) рассматривать вообще не должен, поскольку оно ничем не аргументировано. И я считаю, что суд должен отклонить данное ходатайство, вернув его господам гособвинителям на доработку для более конкретной аргументации и мотивации, чтобы они более конкретно указали: что кто может совершить, какие у них для этого есть подозрения и насколько они обоснованы, в том числе в отношении Кривова. Что он собирается по их мнению делать: скрываться от следствия, давить на уже допрошенных потерпевших и свидетелей, какие конкретно с их точки зрения действия Кривов, как они считают, планирует предпринять? Я хочу это услышать, чтобы каким-то образом возразить на эту аргументацию. Постольку-поскольку её нет — я настаиваю на том, чтобы данное ходатайство было... Постольку-поскольку оно в устной форме было заявлено, оно не может быть возвращено, но оно может быть судом отклонено.

И одновременно я прошу изменить Кривову меру пресечения на не связанную с лишением свободы и с заключением под стражей. [Меру пресечения] с нахождением под стражей я прошу изменить ему на любую другую: возможно, подписку о невыезде, залог, домашний арест. Дополнительно, считаю необходимым (постольку-поскольку адвокат Аграновский сообщил суду о мерах, которые предпринял Европейский суд, обратившись с запросом к правительству Российской Федерации) считаю необходимым уведомить о том, что в связи с голодовкой Кривова я сегодня направил соответствующую жалобу в Европейский суд с требованием придания приоритета и коммуникации её с жалобой остальных заявителей по Болотному делу и считаю, что данное ходатайство прокуратуры суд (с моей точки зрения) обязан — не то, что «должен» или «может», а обязан — отклонить!

Мохнаткин:

Защитник Мохнаткин. Я категорически возражаю не столько против удовлетворения ходатайства обвинения, сколько против самого его рассмотрения в суде. Потому что в такой форме со стороны государственного обвинения никакое ходатайство в суде не может быть подано. В нём отсутствуют какие-либо доводы, поэтому очевидно не может быть использовано процессуальное законодательство, которое бы оценивало эти доводы с точки зрения закона. Такое обращение к суду я считаю неприличным и не подлежащим рассмотрению ни в одном суде.

Вместо довода обвинение выдвигает тот факт, что у нас подсудимые уже длительное время сидят, лишены свободы, что не может быть, я считаю, основанием требований (даже в какой-то анекдотичной форме), это — во-первых. Во-вторых, я прошу суд учесть, что подсудимые находятся в условиях не просто лишения свободы, а просто в пыточных условиях. За эти год-полтора они, между прочим, не сдались, несмотря на то прессование, которое они получают всё время с начала их ареста, не меняют своей позиции совершенно обоснованно. И мне кажется, доказали, вообще-то говоря, не только необоснованность их ареста, но и необоснованность всего обвинения в их адрес, это во-вторых.

И в-третьих, я хочу напомнить, в том числе и мнение первого (если я не ошибаюсь) представителя России в Европейском суде по правам человека — совершенно обоснованное и законное — что в том случае, когда речь идёт о разбирательстве конфликта между гражданами и государством (а в этом суде разбирается именно такой конфликт), то вообще говоря, с точки зрения презумпции невиновности граждан и ответственности государства за соблюдение требований законодательства, ответственность стороны обвинения является особо большой. За соблюдение любых норм законодательства, даже в мелочах! И, как он правильно сказал, вообще говоря, из этого следует априори — вина стороны обвинения. И априори — невиновность [граждан]. Даже не равенство сторон, но — неравенство в пользу обвиняемых, а не в пользу (что мы можем сейчас наблюдать) государственного обвинения, которое (я ещё раз говорю) не привело ни одного довода или доказательства, которое можно было бы признать за действительное. И в ходе процесса, уже такого длительного, мы, кроме всего прочего, смогли убедиться в том, что обвинение просто-напросто фальсифицировало. Что соответствующие доказательства просто-напросто получены при опросе потерпевших и обвинения.

Поэтому ещё раз подчёркиваю: я считаю, что такое ходатайство не может быть даже рассмотрено в этом суде, пока не будет приведено хотя бы к элементарным нормам уголовно-процессуального законодательства России.

Ветринцев:

Адвокат Ветринцев, защита подсудимого Ковязина. Уважаемый суд, я присоединяюсь к мнению моих коллег, которые были высказаны ранее. Все они говорят о том, что оснований для продления сроков содержания под стражей не имеется.

В свою очередь, хотел бы дополнить такими словами, что позиция государственного обвинения, а именно та форма, в которой было заявлено ходатайство, она действительно является неприемлемой и недопустимой при рассмотрении такого рода ходатайств. То, что со стороны обвинения не было приведено никаких доказательств в обоснование своей позиции, а также не было приведено никаких доводов в плане невозможности избрания подсудимым иной, более мягкой меры пресечения, действительно свидетельствует о том, что таких доводов у стороны обвинения попросту нет. В связи с чем, ходатайство стороны обвинения превращается в ничем не мотивированную просьбу, которая судом также должна рассматриваться соответствующим образом.

Что касается непосредственно подсудимого Ковязина, я хотел бы обратить внимание суда на следующие обстоятельства. Что в материалах уголовного дела отсутствуют сведения, что Ковязин намерен скрыться, что намерен помешать установлению истины по делу, Ковязин длительное время с момента совершения тех действий, в которых его обвиняют, находился на свободе и ни разу не поставил под сомнение свои намерения в той части, что он не имеет возможности ни скрываться, ни мешать установлению истины по делу. В настоящий момент, как уже справедливо отмечали до меня другие защитники, основная масса доказательств стороны обвинения, во всяком случае, из тех, что приведены в обвинительном заключении, в обоснование виновности господина Ковязина, уже исследованы. Поэтому также предполагаемая мною аргументация государственного обвинителя, что Ковязин имеет намерение помешать установлению истины по делу, — она также выглядит, мягко говоря, неубедительной. А, говоря нормальным языком, её просто нет (такой аргументации). Кроме того, в материалах дела имеется поручительство от Павловича, Разбежиной, иных лиц, а также поручительство о внесении залога от Починина. Указанные

документы свидетельствуют о том, что уважаемые люди, которые являются работниками высших учебных заведений, а также работниками средств массовой информации, заявляют о том, что они готовы поручиться за Ковязина, что он не будет нарушать меру пресечения, которая была бы не связана с лишением свободы. А Починин готов даже внести за него залог, с целью обеспечить те цели, ради которых избирается мера пресечения. Также хотелось обратить внимание суда, что Ковязин обвиняется в совершении таких действий, которые не содержат в себе никаких элементов насилия ни в отношении представителей власти, ни в отношении граждан. В связи с этим степень его общественной опасности и мера пресечения, которая в отношении него избрана, являются несопоставимыми и несоизмеримыми. Ковязин страдает заболеваниями, такими как артроз и миопия 2-й степени. Также, как пояснил в суде адвокат Аграновский, Европейский суд по правам человека очень жёстко реагирует на жалобы на то, что содержатся подсудимые под стражей, в том числе и Ковязин. Об этом свидетельствует характер вопросов, поставленных в документе ЕСПЧ под названием «План коммуникации». В связи с изложенными обстоятельствами, также, ещё раз хотелось бы обратить внимание суда на то, что со стороны государственного обвинителя ходатайство никоим образом не мотивировано и не аргументировано. Я просил бы в его удовлетворении отказать и избрать в отношении Ковязина любую другую меру пресечения, не связанную с лишением свободы, будь то подписка о невыезде, залог или домашний арест. Сторона защиты обязуется создать все меры, чтобы меры пресечения Ковязину были соблюдены надлежащим образом. Спасибо, у меня всё.

[0:46:28]

Айвазян:

Адвокат Айвазян, защита Акименкова и Кавказского. В соответствии со статьёй 110 Уголовно процессуального кодекса и с отсылаемой статьёй 99 УПК, обстоятельства, которые должны учитываться при решении вопроса об изменении меры пресечения являются состояние здоровья и другие значимые для дела обстоятельства. Что касается Акименкова, при вынесении Постановления прошу учесть следующие обстоятельства: состояние здоровья моего подзащитного ухудшается, имеется в виду — зрение падает; его общее состояние, да и состояние здоровья всех подсудимых ухудшается, что я расцениваю как ненадлежащее медицинское обслуживание и пыточные условия содержания. То есть государство избрало превентивное наказание, наказание до вынесения приговора, что недопустимо. Изоляция от общества и лишение свободы в настоящее время имеют место быть, то есть фактически подсудимые уже отбывают наказание.

Уважаемый суд, условия в которых содержатся подсудимые, и в том числе Акименков, [совершенно] — эти условия не позволяют, так скажем, поддерживать здоровье на должном уровне, в том числе поддерживать защиту. Так как это антисанитарные условия, в которых они находятся и при доставлении в суд, и в следственном изоляторе когда они находятся, и в суде: часто и обед пропускается, и лечение должного не оказывается. Всё это говорит о том, что та мера пресечения, которая избрана — она неэффективна, так скажем. Эффективность меры пресечения, которая избрана иным участникам в этом процессе, не связанная с лишением свободы, а именно домашний арест, показала свою эффективность. Они [подсудимые] не оказывают воздействия на свидетелей и, тем более, свидетели и основные доказательства уже собраны, не могут помешать судебному следствию. Я прошу уважаемый суд при вынесении постановления учесть позицию Европейского суда. Действительно, все потерпевшие и свидетели со стороны обвинения допрошены и, как я уже

сказал, [подсудимые] не могут помешать судебному следствию. Прошу отказать в удовлетворении ходатайства по продлению меры пресечения моему подзащитному.

[0:49:53]

- Шаров: Защитник Шаров, защита Барабанова. Ваша честь, я полностью присоединяюсь ко всей той процессуальной аргументации, которую высказали мои коллеги. Со своей стороны, говоря о [НРЗБ 0:50:08] своей, естественно, считаю её абсолютно взвешенной, достаточной. Безусловно, отсутствие аргументации со стороны обвинения делает это ходатайство совершенно необоснованным. Что касается моего подзащитного, то могу сказать следующее. Андрей Барабанов имеет постоянное место жительства и регистрации в городе Москве, он не собирается скрываться от правосудия. Более того, он настроен, имеет целью доказать в суде свою невиновность и кровно заинтересован в своём участии в суде, чтобы восстановить свою честь и — безусловно! — доброе имя. Что, плюс к тому, я прошу учесть два обстоятельства ещё: что повреждение глаз, которое уже вызвало однажды здесь перерыв, требует достаточно хороших условий для восстановления зрения и процедур, просто, медицинских процедур, которые крайне трудно, крайне тяжело проводить в условиях заключения в следственный изолятор. И во-вторых, я прошу учесть, что мать Андрея Барабанова, с которой он вместе проживает, сломала ногу, и его помощь (даже пускай в то время, свободное от суда) дома своей матери, с которой он вместе проживает, крайне ему важна. Поэтому я прошу в ходатайстве в отношении моего обвиняемого, равно как и в отношении всех обвиняемых отказать, а избрать моему подзащитному Андрею Барабанову любую меру пресечения, не связанную с заключением под стражу.
- Сумин: Защитник Сумин, защита Акименкова. Поскольку ходатайство стороны государственного обвинения не основано на законе, то его удовлетворение может представлять большую опасность для существования государства, поэтому прошу в нём отказать.
- Динзе: Адвокат Динзе, защита Луцкевича. Я поддерживаю все мнения, которые здесь были высказаны, прошу отказать в удовлетворении (*Судья просит говорить громче*) Хорошо, я могу громче говорить. Просто все в одной тональности... Соответственно, я прошу отказать в удовлетворении ходатайства государственного обвинения в связи с неаргументированностью. Кроме того, хочу указать, что в материалах уголовного дела имеются уже представленные материалы о том, что у моего подзащитного в настоящее время плохое состояние здоровья, которое было подтверждено медицинским заключением, которое было сделано, соответственно, специалистом в области судебной медицины Петровым — доцентом кафедры судебной медицины и правоведения. Данные документы никаким образом стороной государственного обвинения не оспаривались, свои данные, которые показывали бы, что мой подзащитный может содержаться в местах лишения свободы, не представлялись. Что касается характеристики личности моего подзащитного. Мой подзащитный в ходе предварительного следствия по инициативе стороны защиты проходил психологическое тестирование на основе того, является ли его поведение криминальным, будет ли он совершать какие-либо противоправные действия, либо иным образом способствовать тому, чтобы совершить преступление либо правонарушение, в рамках того, что если ему будет изменена мера пресечения. Данным исследованием было установлено, что фактически Луцкевич является законопослушным гражданином, не склонным к противоправному поведению. Эти

доводы также стороной государственного обвинения оспорены не были, доказательств обратного представлено не было. Что касается того, что мой подзащитный может скрыться от следствия и суда или иным образом оказывать давление на свидетелей либо иным образом препятствовать установлению истины по уголовному делу. Таких обстоятельств, которые бы свидетельствовали, что он может оказывать давление на свидетелей, либо иным образом уничтожить доказательственную базу, представлено не было. В свою очередь хочу отметить, что у моего подзащитного имеется постоянное место жительства, на момент задержания он учился, то есть у него было занятие плюс обучение. По месту своего обучения, кроме всего прочего, он работал, то есть имел источник дохода самостоятельный. Что касается иных обстоятельств, а именно — характеристик, которые в ходе предварительного следствия и впоследствии были представлены и аргументированы при продлении срока содержания под стражей, как на шестимесячный срок, так и сейчас, имеется достаточно много характеристик, грамот с предыдущего места жительства. Кроме того, имеется справка в материалах уголовного дела о том, что мой подзащитный по месту жительства характеризуется положительно. Эта справка как с места жительства дана, так и от участкового, который непосредственно наблюдал за Луцкевичем, имел с ним определённое, соответственно, взаимодействие и был достаточно хорошо с ним знаком. Всё это в своей совокупности указывает, что Луцкевич, не склонен к противоправному поведению, не будет воспрепятствовать каким-либо образом дальнейшему рассмотрению уголовного дела, не сможет оказать давление на потерпевших либо свидетелей. Как мы узнали здесь уже, некоторые свидетели на Северном Кавказе, и, соответственно, их показания здесь уже огласили. Что касается потерпевшего, то он уже приходил в суд и давал показания. Поэтому я считаю, что данные доводы — они бессмысленны и рассмотрению вообще не подлежат. Что касается, какую бы меру пресечения сторона защиты хотела бы в данном случае — то мы настаиваем опять же на залоге. [0:56:51] В качестве залога были представлены документы по имуществу, справки по стоимости имущества. Это квартира по месту жительства Луцкевича, которая может быть обращена в залог. И в случае, если мой подзащитный скроется от следствия, от суда, соответственно, то она может быть реализована в доход государству. Я думаю, это хороший аргумент, чтобы ему избрать иную меру пресечения, а именно — залог. В крайнем случае, защита также просит домашний арест. Кроме всего прочего, у нас есть опять же также личное поручительство, которое было дано депутатом Государственной Думы Федерального собрания Кашиным Борисом Сергеевичем, что он осведомлён о содержании обвиняемого, о предъявленных обвиняемому Луцкевичу Денису Александровичу обвинениях. Он ручается за Луцкевича и его правомерное поведение в период судебного разбирательства и его явку по вызову суда в случае его освобождения из-под стражи. Соответственно, на фирменном бланке Государственной Думы с соответствующей подписью, 6 ноября 2012 года. Ваша честь, я прошу его приобщить к материалам дела. У меня всё.

Борко: Борко, защитник Александры Наумовой (Духаниной в обвинительном заключении). Несмотря на то, что моя подзащитная находится в более выгодном положении, чем большинство обвиняемых по данному делу, я присоединяюсь к мнению своих коллег и прошу не удовлетворять ходатайство обвинения. Мы, конечно, уже привыкли к тому, что сперва органы следствия, а потом гособвинение не приводят ни малейших аргументов для ходатайства о заключении под стражу, но может быть, мы всё ещё продолжаем ждать, что когда-нибудь какой-нибудь орган судебный всё-таки

востребует с них соблюдение всех процессуальных норм. Я также присоединяюсь к ходатайствам уважаемых коллег об изменении меры пресечения для их подзащитных: тех, для кого на сегодняшний день мера пресечения определена как содержание под стражей — именно опираясь на опыт своей подзащитной Александры Наумовой (Духаниной), которой домашний арест был определён практически с самого начала, и пример которой демонстрирует, что обвиняемые по данному делу молодые люди вполне способны, в состоянии и заинтересованы в том, чтобы дисциплинированно соблюдать предписанный режим, жить нормальной гражданской жизнью и исполнять закон, и более того: проявлять всяческую заинтересованность в справедливом разрешении своих ситуаций именно в суде. И именно опыт Александры Духаниной, так же, как и двоих других обвиняемых, которые на сегодняшний день не находятся в заключении, как раз стимулирует меня присоединиться к тем коллегам, которые ходатайствуют об изменении меры пресечения для своих подзащитных, находящихся в ситуации [НРЗБ 1:00:41]

Тарасова: Защитник Тарасова. Возражаю против ходатайства обвинения и полностью поддерживаю мнение адвоката Алексея Ветринцева.

Самохин: Адвокат Самохин. Защита Савелова Артёма Викторовича. Ваша честь, я солидарен со своими коллегами. Так же, как они я считаю, в отношении всех перечисленных здесь подсудимых должно быть ходатайство отклонено Вами, в связи с тем, что оно является не мотивированным и не обоснованным. Также, Ваша честь, я считаю, что никаких обстоятельств, свидетельствующих, что невозможно избрать никакую другую меру пресечения моему подзащитному Савелову Артёму Викторовичу, обвинением представлено суду не было. Нам всем известно, что Савелов Артём Викторович проживает в Москве, имеет постоянное место жительства, в связи с чем, я прошу при разрешении данного вопроса соответственно отказать в ходатайстве обвинения, и избрать в отношении Савелова Артёма Викторовича меру пресечения домашний арест. У меня всё. Также хочу обратить внимание, что Савелов находится уже более полутора лет под стражей, а статья 66 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорит о том, что необходимо соблюдать разумные сроки рассмотрения дел. Соответственно, и разумные сроки должны быть содержания под стражей моего подзащитного. Учитывая изложенное, прошу отказать и меру пресечения изменить на домашний арест.

[1:02:23]

Кавказский: Подсудимый Кавказский. Я бы хотел сказать вот о чём. Значит, в некоторых государствах, которые декларируют особый политический строй, например, суверенную демократию закон, применяется избирательно. А зачастую, требование неукоснительного применения законодательства воспринимается людьми, аффилированными с властью, как подрыв государственного строя. Я думаю, что именно поэтому и прокуратура подаёт совершенно не мотивированное ходатайство, которое совершенно не соответствует ни 97, ни 108 статье уголовно-процессуального кодекса, и суд их так же удовлетворяет. У нас игнорируются помимо УПК также и нормы международного права. Так, мы получили в октябре постановление Верховного суда, в котором указывается, что по постановлению дела «Кислица против России» в нём содержится утверждение, что при определении по истечению определённого срока нахождения лица под стражей первоначальные доводы, в том числе [те], согласно которым лицо было арестовано, уже не являются достаточными. В таких случаях суд должен установить, были ли у судебных органов другие основания,

которые бы обосновывали лишение свободы. Ну у нас, как при аресте, так и при продлениях: если раньше хотя бы говорили о тех доводах, которые были при аресте, то сейчас вообще никаких доводов мы не видим. У нас Конституция провозглашает приоритет норм международного права над российским законодательством, но судя по той государственной политике, по тому изоляционизму, который мы сейчас наблюдаем, за цитирование некоторых норм международного права и может даже Конституции начнут уголовно преследовать. Считаю, что это так называемое ходатайство прокуратуры должно быть только отклонено, и всё.

Судья: Все высказались со стороны защиты?

Барабанов: Барабанов. Я полностью поддерживаю доводы Макарова, доводы моего защитника и возражаю против ходатайства следствия по поводу продления меры пресечения в виде содержания под стражей сроком на 3 месяца, не говоря точно: до какой даты нас продлевают. К тому же, не приведено никаких доводов: почему продлевается на такой срок. В этот раз только смогли назвать пофамильно, опять же не говоря по каждому отдельно, почему его продлевают дальше — под стражей. Я считаю, что нам можно изменить меру пресечения в виде содержания под стражей на не связанную с этим, так как уже прошли все мыслимые сроки. Уже полтора года я содержусь в тесном изоляторе, и моё состояние здоровья со временем ухудшается. И по сравнению с тем, что было даже при прошлом продлении, когда тоже не было приведено доводов, сейчас моё здоровье хуже. Сейчас мне требуется дополнительное лечение, которое очень сложно получать в следственном изоляторе, в частности, связанное с травмой глаза. Все остальные доводы, по поводу постоянного места жительства, и о том, что я не буду скрываться от следствия, от суда, буду являться, были приведены неоднократно, и повторять их не вижу смысла. Поэтому считаю, что меру пресечения мне и моим товарищам по заключению можно поменять на не связанную с содержанием под стражей.

[1:07:35]

Белоусов: Белоусов. Возражаю против удовлетворения ходатайства. Прошу суд обратить внимание на то, что все формальные основания для продления ареста уже давно отпали. В частности то, на что недавно указывала сторона защиты, те лица, которые являются свидетелями и потерпевшими, в частности по моим эпизодам, они все уже являлись на судебные заседания, они все уже допрошены, поэтому никаких существенных причин для того, чтобы продлевать срок содержания под стражей, не имеется. Кроме того, за последние 3 месяца у меня существенно ухудшилось состояние здоровья, этот факт является задокументированным. Также, по имеющейся у меня информации, мой малолетний сын сейчас находится в больнице, и ему в начале декабря предстоит операция вторая, вот. И как мне кажется, всё-таки я должен находиться со своим сыном, а не там, где, вообще, таким людям как мы — как некоторые «болотники» — здесь вообще не место. И хотел бы ещё обратиться специально к Сергею Кривову, попросить его остановить голодовку, потому что в данном случае это бессмысленно и чревато опасными последствиями.

[1:09:05]

Полихович: Хочу поздравить прокуратуру с тем, что за полгода она выучила, как склоняется моя фамилия. Тем не менее, прокуратура продолжает лицемерить, продолжает скрывать под видимым безразличием [нрзб 1:09:23] заинтересованность оставить нас в тюрьме,

политический заказ. Поэтому безусловно возражаю против удовлетворения данного ходатайства и присоединяюсь к Ярославу: тоже прошу Кривова прекратить голодовку.

Луцкевич: Подсудимый Луцкевич. Ваша честь! Мы сидим в этой клетке вот уже как полгода, и знаете, этот зоопарк сильно надоел. Процесс шёл бы намного быстрее и довольно продуктивно, если бы мы сидели рядом с нашими адвокатами, а не в этом зверинце. Мы не помним половины слушаний и заседаний, потому что мы их проспали. [1:10:12] а спим мы здесь из-за наших ранних поездок, поздних поездок в автозаке, и нам не хватает времени для полноценного сна. В связи с этим мы не можем в полной мере осуществлять свою защиту и участвовать в процессе. Не говоря о том, что большинство подсудимых больны физически, дальнейшее пребывание в этой коробке чревато заболеваниями другого характера. Поэтому, Ваша честь, я прошу изменить нам меру пресечения на не связанную с лишением свободы. Говорить о том, что... о какой-либо мотивации суда глупо. Могу сказать лишь, что по требованию суда мы и в частности я будем являться ежедневно на заседания.

Савелов: Поддерживаю всё вышесказанное и прошу отклонить ходатайство.

Ковязин: Возражаю против ходатайства прокуратуры [НРЗБ 1:11:47]

Зимин: Поддерживаю всё вышесказанное. Возражаю против заявленного ходатайства.

Кривов: Поддерживаю мнение всех адвокатов. Прошу суд отклонить данное немотивированное и необоснованное ходатайство стороны обвинения. Считаю, что всем содержащимся под стражей подсудимым нужно избрать меру пресечения, не подразумевающую содержание под стражей, а тем, кто находились под домашним арестом, заменить её на подписку о невыезде. Что касается конкретно меня, то поскольку есть два потерпевших, которых мне инкриминируют обвинение — Алгунов и Моисеев, которые уже были допрошены, видео мы просматривали, то по тем доказательствам, которые были стороной защиты, предъявлены, я хочу их прокомментировать. Дело в том, что оба эти лица — они ссылаются на показания свидетелей, которые не могли видеть эти эпизоды. В частности Алгунов ссылается на бойца Бездеткова, который стоял у него за спиной, и сотрудников его группы задержания, Моисеев ссылается на своего командира Беловодского, которые не могли видеть преступления, совершённые против них. Так вот, эти лица тоже были допрошены как свидетели, и они не подтверждают того, что против Алгунова и Моисеева были совершены какие-то противоправные действия конкретно мною. Кроме того, эпизод с Моисеевым в полном объёме заснят на видео, которое не оставляет каких-то сомнений, что происходило на самом деле. Поэтому что-либо фальсифицировать и на кого-либо давить здесь абсолютно не имеет значения. Кроме того, в процессе дачи показаний [НРЗБ 1:14:05] потерпевшими, сторона защиты аргументированно заявляла ходатайства об оглашении их более ранних показаний, данных на предварительном следствии, аргументируя это тем, что имеются существенные противоречия в том, что эти лица, допрашиваемые в суде, говорили на своих первых допросах. А они говорили вещи совершенно противоположные тому, что было сказано в суде. В частности, Моисеев говорил, что никаких преступлений против него совершено не было. А Алгунов говорил, что он не видел, кто ему нанёс травму. В свою очередь, Алгунов, давая шесть раз показания следователям, 8 мая давая показания медикам, и далее, давая показания на очной ставке — всего восемь раз, он всякий раз показания менял настолько противоположным образом, что даже следователям его приходилось допрашивать по несколько раз для того, чтобы эти

противоречия снять. Тем не менее, он на каждом новом допросе врал, всё дальше и дальше уходя от своих первоначальных показаний. При этом, даже следователям пришлось допрашивать того медика, которому он давал показания 8 мая, чтобы понять, говорил ли Алгунов в тот день те вещи, которые он говорил позже. И, соответственно, медицинский работник подтвердил, что то, что он записал в его показаниях, было сказано Алгуновым. Сам он ничего не придумывал. Тем не менее, после всех этих противоречий, придя в зал суда, Алгунов начал сочинять ещё более противоречащие им вещи, и про белые кирпичи, и про какие-то рамки, стоящие на входе с Малого Каменного моста, и то, что я его бил древком. Хотя раньше он таких показаний вообще никогда не давал, и проблем не возникало. То есть я хочу сказать, что если бы суд удовлетворил аргументированное ходатайство стороны защиты по оглашению тех показаний, которые были даны через 2 недели после самих событий, то уже сейчас были бы очевидны их противоречивость и невозможность строить на этих показаниях какие-либо обвинения. Но поскольку суд предпочёл оставить это на тот момент, когда этих потерпевших уже не будет в зале суда, то в данный момент эти доказательства невиновности моей не представлены. Поэтому я считаю, что мне не от чего скрываться, нечего скрывать, я готов дать, и дам, естественно, показания по всем этим [событиям] в полном объёме. И считаю, что вообще не заслуживаю какого-либо уголовного преследования или наказания, поэтому мне скрываться не от чего. Я не скрывался до момента своего задержания, хотя, казалось бы, я имел такую возможность. Я ходил по несколько раз в неделю к Следственному комитету для пикетов. После того, как меня предупредили оперативники, что меня будут вызывать, я также нигде не скрывался, а пришёл в Следственный комитет своими ногами к назначенному времени. Таким же образом планирую поступать впредь независимо от того, буду я освобождён из-под стражи или не буду я освобождён из-под стражи. Поэтому прошу заменить меру пресечения лично для себя и для всех содержащихся под стражей подсудимых, на не связанную с содержанием под стражей.

[1:18:47]

Баронова: Ваша честь, я не хотела [НРЗБ] Считаю, что целом по ситуации достаточно много было всего в процессе и она в принципе ни к чему хорошему не приводит, а главным образом основная проблема в том, что мы никаким образом не связаны никто из нас из всех присутствующих здесь напрямую с политикой и при этом должны каждый раз помнить в голове, что она у нас имеет какое-то отношение [НРЗБ 1:19:17] почему-то периодически мы снимаем [НРЗБ] Я, когда начала [готовиться]к вопросу... В рамках, вообще, гуманитарных предметов изучала в том числе аж целый семестр право. Там было несколько концепций определения права, в том числе в русском языке существует одно из наиболее новых понятий, которое не очень популярно в России до сих пор. Это концепция, что право — это единство равной для всех нормы и меры свободы и справедливости. И исходя из этого, в нашем процессе не для всех единство этой самой справедливости, просто [НРЗБ 1:19:57] для нас — двенадцати людей. По той причине, что есть я, которая на свободе, и которая имеет право передвигаться по Москве свободно, [НРЗБ] работать, спать в более комфортных условиях и учиться в более комфортных условиях, а есть кто-то, кто сидит под домашним арестом и не может нормально вне судебного заседания [НРЗБ], а есть вообще девять человек, даже на самом деле четырнадцать, но именно в нашем процессе сидят девять [НРЗБ] которых приводят сюда в наручниках, как животных. [НРЗБ] И именно в этом пункте нет

никакой справедливости. Получается так. И я просто прошу восстановить [НРЗБ] и для всех нас приравнять. Все подсудимые вроде меня [НРЗБ 1:20:56]

Акименков: Обвиняемый Акименков. Известно, что в мае прошлого года на Болотной площади не было и не могло быть каких-то массовых беспорядков в главном значении этого термина. А была самозащита от лиц, одетых в полицейскую форму либо отсутствие такой самозащиты, как в моём случае, в других случаях. Неустановленные лица, сотрудники силовых структур, из числа гражданских начальников создали отвратительную провокацию: самовольно поменяли территорию ранее согласованного уличного мероприятия и загнали манифестантов в ловушку. Совокупность действий митингующих не образует состава массовых беспорядков. По так называемому «болотному делу» были проведены десятки обысков, [НРЗБ 1:22:05] Почти три десятка человек привлечены к уголовной ответственности. Большинство из этих людей ныне находятся под стражей либо этапированы в колонии. При этом продолжает свою деятельность следственная группа, ранее насчитывавшая чуть ли не две сотни лиц, набранных в разных регионах России. Потенциальное число людей, которых государство желает привлечь по так называемому «болотному делу» превышает число людей, привлечённых по событиям в Нальчике, в Минске и в Жанаозене. Пока что аресты манифестантов прекращены, однако они могут возобновиться в любой момент. И я прошу общество не питать себя иллюзиями в отношении различных обсуждаемых цифр. Наталья Викторовна, я хочу высказаться в частности о себе. Я не стану просить Вас о том, чтобы [НРЗБ 1:23:22] изменили мне меру пресечения на иную, не связанную с заключением под стражу. Однако я прошу, чтобы Вы своим решением сменили меру пресечения на подписку о невыезде (её более чем достаточно для проведения всех судебных действий) в отношении тех ребят и девушек, которые находятся под стражей или под домашним арестом. Я также прошу Машу Баронову не волноваться за то, что Мария находится под подпиской о невыезде, потому что Маша обвиняется в совершении преступления лёгкой тяжести, и закрыть Машу в тюрьму было бы беспределом даже для нашего суда. Так вот, я прошу сменить меру пресечения тем людям, которые находятся не на свободе. Но я прошу этого не делать в отношении меня. Потому что по этическим причинам я считаю это невозможным. Я считаю невозможным это делать в то время, как девушки из панк-группы за неканонические моления второй год лишены свободы. Когда Ольга Шалина и Таисия Осипова отбывают ужасные незаконные сроки. Когда экологи, проводившие мирную ненасильственную акцию, обвиняются в чудовищном преступлении. Когда второе десятилетие находятся в путинском плену Игорь Губкин и Михаил Ходорковский. Я не считаю возможным просить у Вас о чём-либо, когда тонтон-макуты убивают, калечат и выдавливают из страны цвет российского общества. Когда преследуются, бросаются в тюрьмы представители пассионарной молодёжи: нацболы, правые, левые. Когда преследуются за профессиональную деятельность, за гражданскую позицию профсоюзные активисты, экологи, предприниматели, журналисты, правозащитники. Я надеюсь на благоразумие государственных лиц, в частности судей. Однако я не верю в справедливость государственной машины. Я также хочу отметить, что прокуратура уже третье тысячелетие истории прокуратуры издевается над человечеством уже третье тысячелетие. И хочу только заметить, что зло — оно порождает зло и возможное историческое отмщение. Оно может быть больше, и задеть любого. У меня всё.

Духанина: Подсудимая Духанина. Если честно, у меня просто нет слов обо всём происходящем. Я просто дичайше возражаю.

Судья: По вопросу заявленного в ходе опроса адвокатом Аграновским об обзрении документов. Имеются в виду перевод жалобы [НРЗБ 1:26:38] России, а также заявление адвоката Динзе о приобщении личного поручительства [НРЗБ] Прошу высказать свои мнения.

Адвокаты ... Григоренко, Ключевант, Дубровин, Горяинова, Аграновский, Макаров, Динзе, Самохин, Айвазян, Ветринцев, защитники Мохнаткин, Борко, Шаров, Сумин, Тарасова, подсудимые Кавказский, Духанина, Баронова, Полихович, Белоусов, Савелов, Луцкевич, Ковязин, Зимин, Акименков, Кривов, Барабанов — поддерживают.

Представитель потерпевшего — на усмотрение суда.

Прокурор: *(смотрит документы)* Что касемо поручительства — не возражаем против приобщения к материалам дела. Ваша честь, что касемо некоего набора бумаг, которые на двух языках, не прошиты, не пронумерованы, непонятно вообще, что такое. Категорически возражаем даже против обзрения.

Смех в зале. Реплики: «Да и не надо!», «Уже обзрели», «Сначала обзрели, потом возразили». Судья требует тишины в зале.

Судья: В части дополнительных ходатайств, заявленных адвокатом Аграновским и адвокатом Динзе, суд, заслушав мнение участников процесса, постановил: удовлетворить указанные ходатайства частично. Принять на обзрение суда исполненную на русском языке текст жалобы «Акименков и шестеро других против России», представленный адвокатом Аграновским, поскольку касается указанные вопросы меры пресечения некоторых подсудимым по настоящему делу, равно как и принять на обзрение личное поручительство депутата Государственной Думы Кашина, представленное адвокатом Динзе, однако в приобщении данного личного поручительства отказать, поскольку оно не заверено надлежащим образом. *(Реплика в зале: «Оно на бланке».)* Иностраный текст сразу, пожалуйста, защита, возьмите. И по вопросу меры пресечения суд удаляется в совещательную комнату.

Перерыв.

[1:31:20]

Продолжение заседания: 18:59:33. (после 2-го перерыва)

[0:05:00]

*Аплодисменты. Вводят подсудимых.**Разговоры: «Вероятно, Бога нет. Можете расслабиться», о штормовой погоде. Грохот замков.*

[0:08 :00]

Судья: Оглашается постановление.

19 ноября 2013 года. Замоскворецкий районный суд города Москвы в составе [председательствующей Никишиной], секретаря судебного заседания [нрзб 0:08:12], представителя потерпевшего Ищенко, подсудимых Барабанова, Белоусова, Наумовой (до замужества Духаниной), Зимина, Кривова, Полиховича, Савелова, Акименкова, Кавказского, Ковязина, Бароновой, защитников адвокатов Аграновского, Макарова, Горяиновой, [нрзб 0:08:25], Самохина, Бадамшина, [нрзб 0:08:27] Григоренко, Айвазяна, Панченко, Динзе, защитников Мохнаткина, Шарова, Сумина, Тарасовой и Борко, рассматривая в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении Барабанова Андрея Николаевича, Белоусова Ярослава Геннадьевича, Наумовой (до замужества Духаниной) Александры Ивановны, Зимина Степана Юрьевича, Кривова Сергея Владимировича, Луцкевича Дениса Александровича, Полиховича Алексея Алексеевича, Савёлова Артёма Викторовича, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 212 часть 2, 318 часть 1 УК РФ, Акименкова Владимира Георгиевича, Кавказского Николая Юрьевича, Ковязина Леонида Николаевича, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 212 часть 2 УК РФ, Бароновой Марии Николаевны, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного статьёй 212 часть 3 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

Органами предварительного следствия Барабанов, Белоусов, Наумова (до замужества — Духанина), Зимин, Кривов, Луцкевич, Полихович, Савёлов обвиняются каждый в участии в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, поджогами, уничтожением имущества, а также в применении насилия неопасного для жизни и здоровья в отношении представителей власти в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей. Акименков, Кавказский Ковязин обвиняются каждый в участии в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, поджогами, уничтожением имущества, а Баранова обвиняется в том, что призывала к массовым беспорядкам, сопровождавшимся насилием, поджогами, уничтожением имущества и к участию в них. В ходе предварительного следствия обвиняемым Барабанову, Белоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савёлову, Акименкову, Кавказскому, Ковязину судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. А обвиняемым Духаниной — в виде домашнего ареста. Обвиняемой Бароновой [нрзб 0:10:03] предварительного следствия избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Уголовное дело поступило в Замоскворецкий районный суд города Москвы 24 мая 2013 года для рассмотрения по существу, и в ходе предварительного слушания постановления суда от 6 июня 2013 года мера пресечения Барабанову, Белоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савелову, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьями 212 часть 2 и 318 часть 1 УК РФ, Акименкову, Кавказскому,

Ковязину, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 212 часть 2 УК РФ, на период судебного разбирательства оставлена без изменения в виде заключения под стражу, а Духаниной, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных статьями 212 часть 2 и 318 часть 1 УК РФ — в виде домашнего ареста. Срок содержания под стражей, срок домашнего ареста, соответственно, продлён каждому из подсудимых до 24 ноября 2013 года. Дальнейшим постановлением Президиума Московского городского суда от 2 августа 2013 года Кавказскому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, срок которого был продлён постановлением Замоскворецкого районного суда города Москвы от 26 сентября 2013 года в порядке статьи 255 УПК РФ на 3 месяца, то есть до 2 января 2014 года.

В настоящем судебном заседании государственным обвинителем Стрекаловой заявлено ходатайство о продлении подсудимым Барабанову, Белоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савелову, Акименкову, Ковязину срока содержания под стражей, а подсудимой Духаниной срок домашнего ареста на 3 месяца в связи с тем, что указанные сроки истекают, а оснований для изменения меры пресечения не имеется.

Подсудимые Барабанов, Акименков, Белоусов, Кривов, Луцкевич, Зимин, Полихович, Ковязин, Савелов, Наумова (до замужества Духанина) и их защитники адвокаты Аграновский, Макаров, Горяинова, Ветринцев, Самохин Дубровин, Григоренко, Айвазян, Панченко, Динзе, а также защитники Мохнаткин, Шаров, Сумин, Тарасова возражали против удовлетворения ходатайства государственного обвинителя, ссылаясь на отсутствие со стороны обвинения каких-либо аргументов, свидетельствующих о невозможности изменения указанным подсудимым меры пресечения на более мягкую, не связанную с лишением свободы. При этом защитники указывали на фактическое завершение исследования доказательства со стороны обвинения в отношении всех 12 подсудимых по данному делу и характеризующих подзащитных сведений, которые позволяют утверждать об отсутствии у них намерений скрыться или воспрепятствовать производству по уголовному делу, просили учесть ухудшение в условиях изоляции фактического состояния здоровья подсудимых и рассмотреть вопрос об изменении подсудимым Барабанову, Белоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савёлову, Акименкову, Ковязину меры пресечения на иные, не связанные с содержанием под стражей. Подсудимая Наумова (до замужества Духанина) её адвокат и защитник Борко, а также подсудимые Кавказский и Баронова и их защитники, выразив несогласие с мнением стороны обвинения о сохранении меры пресечения подсудимым, поддержали выводы адвокатов защитников подсудимых, находящихся под стражей. Представитель потерпевшего Ищенко оставил удовлетворение ходатайства государственного обвинителя на усмотрение суда.

Выслушав мнение участников процесса, ознакомившись с материалами дела, суд находит ходатайство государственного обвинителя **ПОДЛЕЖАЩИМ УДОВЛЕТВОРЕНИЮ**, а срок содержания под стражей подсудимых Барабанова, Белоусова, Зими́на, Кривова, Луцкевича, Полиховича, Савёлова, Акименкова, Ковязина и срок домашнего ареста Наумовой (до замужества Духаниной) подлежащим **ПРОДЛЕНИЮ НА 3 МЕСЯЦА**, поскольку в соответствии со статьёй 255 УПК РФ суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 6 месяцев со дня поступления дела в суд вправе продлить срок содержания под стражей по уголовным делам по тяжким и особо тяжким преступлениям, и каждый раз не более, чем на 3 месяца.

При этом суд принимает во внимание, что Барабанов, Белоусов, Зимин, Кривов, Луцкевич, Полихович, Савелов, Акименков, Ковязин и Наумова (до замужества Духанина) обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 212 УК РФ,

относящейся к категории «тяжкие», за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет. Помимо этого Барабанов, Белоусов, Зимин, Кривов, Луцкевич, Полихович, Савелов и Наумова (до замужества Духанина) обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 318 УК РФ, за которые уголовным кодексом также предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет.

Причём, несмотря на наличие у подсудимых постоянного места жительства на территории Российской Федерации, анализируя совокупность сведений о личности Барабанова, Белоусова, Зимина, Кривова, Луцкевича, Полиховича, Савёлова, Акименкова, Ковязина, Наумовой (до замужества Духаниной) и характер вменённого каждому из них преступлений, у суда по-прежнему имеются достаточные основания полагать, что подсудимые в случае изменения им меры пресечения на иную, не связанную с изоляцией от общества, под тяжестью предъявленного им обвинения могут скрыться от суда или иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Поэтому, учитывая необходимость обеспечения условий для дальнейшего уголовного дела для судебного разбирательства, принимая во внимание все обстоятельства, инкриминируемых Барабанову, Булоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савелову, Акименкову, Ковязину и Наумовой (до замужества Духаниной) деяний, а также данных для отмены или изменения меры пресечения суд не усматривает и считает необходимым продлить срок содержания подсудимым Барабанову, Булоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савёлову, Акименкову, Ковязину под стражей а Наумовой (в замужестве Духаниной), соответственно, срок домашнего ареста НА 3 МЕСЯЦА, поскольку основания, учитываемые судом для избрания названным подсудимым мер пресечения в настоящее время не отпали и не изменились. А в силу статьи 110 УПК РФ мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 УПК РФ.

Доводы стороны защиты об ухудшении состояния здоровья Акименкова, Белоусова, Кривова, Ковязина суд принимает во внимание, но не усматривает каких-либо препятствий нахождению подсудимых под стражей, так как документов, свидетельствующих о невозможности нахождения указанных лиц в условиях следственного изолятора ввиду каких-либо заболеваний, либо невозможности в необходимых случаях оказания им квалифицированной медицинской помощи суду не представлено. Утверждения адвокатов о том, что по настоящему делу исследованы все доказательства, не соответствуют действительности. А заверения стороны защиты о готовности ускорить рассмотрение дела в случае, изменения их подзащитным мер пресечения на более мягкие, с учётом поведения стороны защиты во время судебного разбирательства вызывает у суда обоснованные сомнения. При таких обстоятельствах, вопреки мнению стороны защиты, оснований для изменения меры пресечения подсудимым Барабанову, Белоусову, Зимину, Кривову, Луцкевичу, Полиховичу, Савелову, Акименкову, Ковязину и Наумовой (до замужества Духаниной) меры пресечения на иную, не связанную с изоляцией от общества, суд не находит и полагает, что иные меры пресечения с учётом всех обстоятельств инкриминируемых деяний не смогут обеспечить цели и задачи судопроизводства, не усматривает оснований для удовлетворения ходатайства стороны защиты об изменении подсудимым меры пресечения на более мягкие, в том числе на залог или подписку о невыезде.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 255, 256 УПК РФ,

СУД ПОСТАНОВИЛ:

ПРОДЛИТЬ подсудимым Барабанову Андрею Николаевичу, Белоусову Ярославу Геннадьевичу, Зимину Степану Юрьевичу, Кривову Сергею Владимировичу, Луцкевичу Денису Александровичу, Полиховичу Алексею Алексеевичу, Савелову Артёму Викторовичу, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьями 212 часть 2 и 318 часть 1 УК РФ, Акименкову Владимиру Георгиевичу, Ковязину Леониду Николаевичу, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 212 часть 2 УК РФ, СРОК СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ НА 3 МЕСЯЦА, то есть до 24 февраля 2014 года каждому.

ПРОДЛИТЬ подсудимой Наумовой (до замужества Духаниной) Александре Ивановне, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных статьями 212 часть 2, 318 часть 1 УК РФ срок содержания под домашним арестом по адресу (*указан домашний адрес*) НА 3 МЕСЯЦА, то есть до 24 февраля 2014 года, сохранив наложенные на Наумову (до замужества Духанину) на время домашнего ареста запреты покидать и менять без письменного разрешения место проживания по названному адресу, получать и отправлять корреспонденцию, в том числе письма, телеграммы, посылки, электронные послания, вести переговоры с использованием любых средств связи, включая радио, телефон, телевидение, интернет, общаться с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве подсудимых, а также со свидетелями.

Постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке в Московский городской суд в течение 3 суток со дня его вынесения.

[0:18:31]

Судья Прошу присесть. И с учётом того, что на завтрашний день из изолятора 77/2 в суд представлено уведомление о том, что 20 числа подсудимым Барабанову и Акименкову запланирован плановый осмотр врача-офтальмолога, в связи с чем начальник следственного изолятора просит не осуществлять доставку на судебное заседание в названное число указанных лиц, судебное заседание откладывается в порядке статьи 253 на четверг, 11:30.

Макаров Ваша честь, а по заявлению по нашему? Вот, по ходатайству?

Судья Пока других ходатайств у нас не поступило.

Макаров Как? У нас поступало ходатайство о проведении Кривову медицинского осмотра!

Судья Не было ходатайства!

Заседание окончено. Судья обращается к Динзе и Аграновскому. Речь идёт о выдаче копий постановлений, адвокат Горяинова спрашивает о возможности свиданий.

[0:19:36]